

АНАТОЛИЙ БОРОДИН

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ
ДУРНОВО

РУССКИЙ НОСТРАДАМУС

Анатолий Петрович Бородин Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6397507

А. П. Бородин. Петр Николаевич Дурново. Русский Нострадамус: ООО

«Издательство Алгоритм»; Москва; 2013

ISBN 978-5-4438-0460-6

Аннотация

Доктор исторических наук Анатолий Бородин, автор книг о П. А. Столыпине, предлагает читателю свою новую книгу о великом сыне Отечества – Петре Николаевиче Дурново, министре внутренних дел Российской империи, ставшем мишенью террористов за свои патриотические взгляды. Наши современники, знакомые с жизнью и деятельностью П. Н. Дурново, назвали его «Русским Нострадамусом» – настолько правдивы были его политические предсказания! Есть ли хорошие перспективы для нашей страны? Может, мы узнаем это из данной книги...

Содержание

От автора	5
Вместо предисловия	7
Род. Родители. Семья	27
Морской кадетский корпус в 1850–1860 годы	66
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Анатолий Бородин

Петр Николаевич Дурново.

Русский Нострадамус

© Бородин А. П., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

* * *

*Суждение о политическом деятеле должно
быть свободным.*

И. И. Тхоржевский

*Дурново был из тех, кто в состоянии делать
историю.*

М. О. Меньшиков

От автора

При всем внимании нашей историографии к событиям в России начала XX столетия многие их активные участники, особенно из правительственной среды, их жизнь, взгляды, деятельность остаются малоизвестными даже узкому кругу причастных к исторической науке. Между тем это были люди выдающихся личных качеств, разносторонних и глубоких познаний, громадного служебного и жизненного опыта; роль их в нашей истории огромна.

Одним из них представляется нам Петр Николаевич Дурново – министр внутренних дел (октябрь 1905 г. – апрель 1906 г.) и лидер правой группы Государственного Совета в 1908–1915 гг. Современники связывали с его именем решающие удары по революции 1905–1906 гг. Руководимое им правое крыло Государственного Совета сыграло в событиях 1907–1917 гг. вполне определенную и немалую роль.

Однако даже у некоторых профессионально занимающихся историей России начала XX в. представления о нем весьма смутны. Его путают с его сыном Петром, с Иваном Николаевичем Дурново (1834–1903) – министром внутренних дел (1889–1895) и председателем Комитета министров (1895–1903), с Петром Павловичем Дурново (1835–1919),

бывшим в 1905 г. московским генерал-губернатором¹.

Что уж спрашивать с публицистики: здесь он представлен и генералом от инфантерии, и генерал-адъютантом, и братом И. Н. Дурново, и тестем П. П. Скоропадского, и дядей его жены, и мужем графини М. В. Кочубей, и владельцем дачи на Полуостровской набережной Петрограда, захваченной в 1917 г. анархистами.

---

¹ См., напр.: *Зимина В. Д.* Крах монархической контрреволюции на Северо-Западе России // *Вопросы истории.* 1987. № 7. С. 41; *Искендеров А. А.* Закат империи. М., 2001. С. 60; на с. 204 автор помещает П. Н. Дурново «в окружение царя», а на с. 474 утверждает: «В 1906 г. вместе с остальными членами правительства С. Ю. Витте он вышел в отставку (?! – А. Б.) и несколько лет (?! – А. Б.) провел за границей. Вернувшись в Россию после убийства (?! – А. Б.) П. А. Столыпина, он вновь занял свое место в наиболее консервативной части Государственного Совета»; *Ковалевский М. М.* Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 732. Комментарий 48; *Савич Н. В.* После исхода: Парижский дневник. М., 2008. С. 532. Примечание.

Вместо предисловия

Во внешнем облике Петра Николаевича Дурново ничего особенного не было. Тем не менее, в нем было много неожиданного, особенно для тех, кто сталкивался с ним впервые. Так, народоволец П. Л. Антонов, арестованный в мае 1885 г. и введенный в кабинет директора департамента полиции, «увидел за столом сидящего маленького человечка; лицо его было обрито и на стриженной голове волосы торчали как щетка». Осенью 1885 г. в камеру В. Н. Фигнер вошел «маленький, живой сановник с лицом, выражающим самодовольство <...>. На щеках Дурново горел румянец, от него пахло портвейном». М. И. Силина рассказывала: «Ниже среднего роста; <...> смотрел на меня с улыбкой, пронизывающим взглядом». А. И. Иванчин-Писарев впервые увидел П. Н. Дурново в его приемной в сентябре 1889 г.: «Дурново был в форменном фраке, без всяких знаков и отличий и в жилете темно-коричневого цвета. Он медленно продвигался вперед не сгибая головы».

В. И. Гурко, достаточно долго и тесно работавший с министром, вспомнил в эмиграции деталь: «маленький, весь из мускулов и нервов». В. М. Андреевский после приема у министра в конце 1905 г. записал: «Этот маленький, крепкий и живой человек, со своей скептической усмешкой и внимательным взором серьезных глаз, произвел на меня успокаивающее впечатление».

вающее впечатление». И. Ф. Кошко, явившись на прием в качестве пензенского губернатора и ожидавший увидеть все- сильного и грозного министра, констатировал: «Это был человек маленького роста, с небольшими бачками, одетый в вицмундирный фрак. Говорил он со всеми тихо, с приветливым видом». С некоторым удивлением отметил непритязательность министра в одежде и Д. Н. Любимов: «Петр Николаевич был в старом коротком пальто с потертым барашковым воротником и плоской барашковой шапке». Повседневно общавшихся с П. Н. Дурново министерских чиновников поражала необыкновенная «подвижность, несмотря на его немолодые уже годы»².

Совсем иначе повел себя П. Н. Дурново перед графом С. Д. Шереметевым, захавшим в феврале 1906 г. к министру с явным намерением присмотреться: «Дурново любезен и прост – серьезен и сдержан – не вертляв и не суетлив – не суров и не тороплив – с достоинством и просто себя дер-

---

² Антонов П. Л. Автобиография // Голос минувшего. 1923. № 2. С. 91; Фигнер В. Н. Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах. Т. 2. М., 1964. С. 157–158; Иванчин-Писарев А. Воспоминания о П. Н. Дурново // Каторга и ссылка. 1930. Кн. 7 (68). С. 43, 51; Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 514; ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 225 (Биографические сведения о жизни и деятельности В. М. Андреевского). Л. 31; Воспоминания губернатора (1905–1914 гг.). Пг., 1916. С. 17–18; Любимов Д. Н. События и люди (1902–1906) // РГАЛИ. Ф. 1447. Оп. 1. Д. 39. Л. 458; Шинкевич [Е.Г.]. Воспоминания и впечатления. 1904–1917 гг. // Там же. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 51. Л. 9.

жит»³.

И, наконец, П. Н. Дурново – член Государственного Совета: «Человек умный, несколько высокомерный, по внешнему виду – невзрачный: среднего роста, сутуловатый, лет около 70-ти; говорит хорошо, иногда остроумно, но не по-ораторски»⁴.

Современники – друзья и враги, при жизни и после смерти – единодушны в оценке его интеллекта: «в высшей степени умный», «человек огромного ума», «замечательно умен», «очень умен», ум «очень тонкий», «немалая умственная сила»; обладает «государственным умом», «исключительным умом»; производит «впечатление вполне рассудительного человека, <...> с задатками художественного стиля, <...> что уже близко к таланту», «был, в полном смысле слова, блестящим самородком»; «замечательно умный и проницательный (равных ему я в этом отношении не видал в жизни)»; отмечали «врожденное у него чутье хода событий», «его ум и остроумие». М. А. Алданову, заинтересовавшемуся личностью П. Н. Дурново и собиравшему в начале 1920-х гг. о нем сведения, эмигранты, правые и левые, в один голос говорили: «Это был умный человек. Это был умница»⁵.

---

³ Дневник С. Д. Шереметева // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5051. Л. 18.

⁴ Мемуары протоиерея Буткевича Тимофея // ГАРФ. Ф. 1463. Оп. 2. Д. 382. С. 3885.

⁵ См., напр.: *Болотов А. В.* Святые и грешные. Воспоминания бывшего человека. Париж, 1924. С. 189; А. К. Варженевский – С. Д. Шереметеву, 13 сент. 1915 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5129. Л. 65–65 об.; *Васильчиков Б. А.* Вос-

В конце 1920-х гг. М. А. Алданов устами одного из своих персонажей охарактеризовал П. Н. Дурново следующим образом: «Умные люди, ученые люди думали о том, куда идет мир; думали и философы, и политики, и писатели, и поэты, правда? И все “провидцы” попали пальцем в небо. <...> А вот не ученый человек, не мыслитель и не поэт, скажем кратко, русский полицейский деятель все предсказал как по писаному. Согласитесь, это странно: в мире слепых, кривых, близоруких, дальнозорких, один оказался зрячий: простой русский охранитель! <...> Знал я его недурно, если кто-либо его вообще знал... Немного он мне напоминает того таинственного, насмешливого провинциала, от имени которого

поминания. М., 2003. С. 225; Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. СПб., 2003. С. 133, 263; *Джуниковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 1. М., 1997. С. 95; *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1991. С. 42–44; Государственный совет (Гос. совет). Стенографические отчеты Ст. отчеты). 1911–1912 годы. Сессия седьмая. СПб., 1912. Стб. 1313, 3576 (речи П. М. фон Кауфмана и Д. И. Багаляя); *Гурко В. И.* Указ. соч. С. 483, 484; Дневник Г. О. Рауха // Красный архив. 1926. Т. 6 (19). С. 98; *Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989. С. 21–22; *Киреев А. А.* Дневник. 1905–1910. М., 2010. С. 271, 277, 311; *Львов Л. (Клячко Л. М.).* За кулисами старого режима. Т. 1. Л., 1926. С. 46; *Мартынов А. П.* Моя служба в Отдельном корпусе жандармов // «Охранка»: Воспоминания руководителей политического сыска Т. 1. М., 2004. С. 106; *Милюков П.* Либерализм, Радикализм и Революция (По поводу критики В. А. Маклакова) // Современные записки. Т. LVII. Париж, 1935. С. 305; Раздор палат // Новое Время. 1910. 14 (27) дек.; *Урусов С. Д.* Записки. Три года государственной службы. М., 2009. С. 589; *Шинкевич [Е.Г.]*. Указ. соч. Л. 8 об.–10; Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. Запись 12 сент. 1915 г. М., 2008. С. 127; Дневник С. Д. Шереметева. Запись 4 янв. 1911 г. // Д. 5056. Л. 4 об.; *Алданов Марк.* Предсказание П. Н. Дурново // Журналист. 1995. № 4. С. 59.

Достоевский любил вести рассказ в своих романах... Но умица был необыкновенный. <...> он имел репутацию крайнего реакционера и заслуживал ее <...>. Однако в частных разговорах он не скрывал, что видит единственное спасение для России в английских государственных порядках. Хорошо?»⁶

Более спокойной, но столь же однозначной и высокой является оценка исследователей. Правда, они имеют в виду одну лишь записку П. Н. Дурново, поданную Николаю II в феврале 1914 г. Так, М. А. Алданов писал: «По блеску прогноза я не знаю в литературе ни одного документа, который мог бы сравниться с этим. Вся записка Дурново состоит из предсказаний, и все эти предсказания сбылись с изумительной точностью. <...> Он предвидел то, чего не предвидели величайшие умы и знаменитейшие государственные деятели! <...> Я не знаю другого такого верного предсказания в истории»⁷.

Сказано о ней и так: «Преисполненное чести и достоинства заявление Петра Дурново. <...> пророческий меморандум»⁸.

Другие отмечают «мудрость» Записки, ее «пророческий характер», «недюжинный ум» ее автора; их «поражает» правильность анализа международного положения; «потрясает дальновидность» автора; характеризуют его как «замеча-

---

⁶ Алданов М. А. Ключь. Берлин, 1929. С. 162.

⁷ Алданов Марк. Указ. соч. С. 58.

⁸ Киссинджер Г. Дипломатия. М., 1997. С. 183.

тельного теоретика крайней реакции», относят к числу «наиболее глубоких и творческих по своему духу и <...> наиболее дальновидных в своем понимании хода истории деятелей начала XX века»⁹.

П. Н. Дурново развил в себе способность предвидения «необычайной силы и точности»¹⁰. В записке на имя Николая II он предсказал катастрофические для России последствия грядущей войны. Это был подлинно научный прогноз, основанный на глубоком понимании общественного развития. Революция была им предсказана в деталях¹¹.

П. Н. Дурново, справедливо заметил Д. Ливен, «совмещал большую оригинальность мысли и ясность взгляда с глубоким знанием военных, геополитических, экономических и

---

⁹ См., напр.: *Аврех А. Я.* Распад третьей иуноньской системы. М., 1985. С. 15, 16; *Кожин Вадим.* Загадочные страницы истории XX века // Наш современник. 1993. № 10. С. 137; *Павлович М.* Вступительная статья к записке П. Н. Дурново // Красная новь. 1922. № 6 (10). С. 180–182; *Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. // Соч. в 12 томах. Т. V. М., 1958. С. 266–269; *Он же.* Германская ориентация и П. Н. Дурново в 1914 г. // Там же. Т. XI. М., 1961. С. 506–507; *Lieven Dominic.* Russia's Rulers Under the Old Regime. Yale University Press. New Haven and London. 1989. P. 229; и др.

¹⁰ *Тарле Е. В.* Германская ориентация... С. 507. По оценке К. А. Кривошеина, П. Н. Дурново предвидел «с фотографической точностью» (*Кривошеин К. А.* Кривошеин (1857–1921). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973. С. 201).

¹¹ Записка П. Н. Дурново Николаю II. Февраль 1914 г. // Красная новь. С. 197. «В своих предсказаниях правые оказались пророками, – признал позднее В. А. Маклаков. – <...> И их предсказания подтвердились во всех мелочах» (*Маклаков В. А.* Из прошлого // Современные записки. Т. 38. Париж, 1929. С. 280).

политических реальностей»¹².

Обладал «широким государственным пониманием интересов страны». Его глубокий ум был «резвым» и чрезвычайно скорым: он «быстро входил в существо вопроса», «быстро разбирался в самых трудных положениях», «налету схватывал суть дела». «Давно, – писал Л. А. Тихомиров, – я не выносил впечатлений такого ясного представления себе каждого вопроса, как встретил в нем. Теперь таких людей мало: старая школа видна»¹³.

У него был твердый характер – «громадный», по выражению Л. А. Тихомирова. Е. Г. Шинкевич свидетельствует: «Я слышал часто его суровые распоряжения, но никогда не видел его раздражения – в этом чувствовался сильный характер этого человека». А М. О. Меншиков усматривал тут «не только характер, но и нравственное обоснование для него, особую философию, которая могла постоять за себя». И ум, и характер были необыкновенно дисциплинированы: его отличали «полная гармония между умом и характером», «ясное понимание своей задачи», «определенность желаний, воли – он знал, чего он хотел». При этом воля его была «сильною», «железной», «твердой» и «настойчивой», была «вполне адекватна силе его ума». «Умел выразить в случае надобности уверенность в том, что он сумеет превратить свои слова в действие». Это усиливалось выдающимися

---

¹² *Lieven D. Op. cit. P. 229.*

¹³ Л. А. Тихомиров – А. А. Кирееву, 28 янв. 1906 г. // РО РНБ. Ф. 349. Д. 66.

организаторскими способностями, «умением осуществлять власть», особым «даром управлять». Это был «человек крутой дисциплины».

Современников «поражала огромная работоспособность» П. Н. Дурново. Он был весьма энергичен, его не видели «уставшим и никогда без работы». «Трудолюбие и ясность изложения Д[урново] поразительны», – говорил С. Д. Шереметев царю¹⁴. К выступлениям он «подготавливался самым тщательным образом», свои речи «по привычке» писал. Мудрено ли, что он «очень знал дело», «отлично знал дело», что его всегда отличали «опыт и здравый смысл», а за словами его «чувствовался громадный служебный и книжный труд, громадный умственный и научный капитал», к его мнению, по свидетельству политического противника, «привыкли прислушиваться все члены Государственного Совета, независимо от того, где они сидят».

По оценке М. М. Ковалевского, политического оппонента П. Н. Дурново, последний «говорит всегда неглупо, не подыскивая словечек и аргументируя сильно, <...> он умело и терпимо руководил прениями, <...> отличается, несомненно, доходящим до разума здравым смыслом, необыкновенной определенностью и ясностью мысли <...>. Он не столько оратор, сколько то, что англичане называют debater, то есть человек, умеющий разбить мотивы противников,

---

¹⁴ Дневник С. Д. Шереметева. Запись 8 янв. 1915 г. // Д. 5060. Л. 7.

разобрав их по косточкам»¹⁵.

Хотя было и такое: «Петр Николаевич был блистателен. Когда он кончил свою арию, то внизу между сидящими, как в партере театра перед знаменитой певицей, раздавалось тихое “браво, браво”, что даже не в обычаях Государственного Совета»¹⁶. Петербургский корреспондент Daily Telegraph Э. Диллон о речи П. Н. Дурново в общем собрании Государственного Совета 19 марта 1909 г. по законопроекту о штатах Морского генштаба писал: «по сжатости, ясности, строгой логике и достоинству является единственной в летописях русских парламентских прений»¹⁷.

Сильнейшей стороной Дурново-политика был его прагматизм, он ни в чем не был умозрителен. В своих решениях он был всегда определен и ясен, «раз решив, не любил менять свое решение». Вместе с тем «редко с кем можно было так спорить <...> и доказывать правоту своего мнения. В споре он умел и отказываться от своего мнения». «Я никогда, – признавался он в общем собрании Государственного Совета, – не имею такого самомнения о своей работе, чтобы ежечасно не быть готовым сознаться в своих ошибках»¹⁸.

Служивцам Дурново импонировало его «спокойствие

---

¹⁵ Ковалевский М. М. Моя жизнь: Воспоминания. М., 2005. С. 405, 400–401.

¹⁶ С. Д. Шереметев – А. К. Варженевскому, 27 янв. 1912 г. // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 3007. Л. 225–226.

¹⁷ Цит. по: «Перевод статьи Диллона в Daily Telegraph» // Там же. Д. 5090. Л. 211.

¹⁸ Гос. Совет. Ст. отчеты. Сессия седьмая. Стб. 389.

и выдержка», «хладнокровие», «полное бесстрашие»¹⁹ (во время приемов не позволял «никакой фильтровки посетителей», выходил в общий зал, куда «никогда не допускал агентов охраны»), решительность, «простота», оперативность («ко всем вопросам относился всегда практически-жизненно, чуждаясь формальностей, и при этом сразу – на лету схватывал суть дела и разрешал вопросы тотчас же»).

П. Н. Дурново выказал способность и смелость быть независимым министром: не пытался потрафить общественному мнению, противостоял чуть ли не всему Совету министров во главе с С. Ю. Витте, «оставлял без уважения» весьма высокую протекцию, «вплоть до великих князей». «Никогда, – утверждает А. Ф. Редигер, не стеснялся высказывать вполне откровенно свое мнение»²⁰.

Не позволял хлопать себя по плечу, не играл в «руба-

---

¹⁹ «Личным мужеством и физической храбростью Дурново также отличался в высшей степени», – удостоверяет В. И. Гурко (*Гурко В. И.* Указ. соч. С. 483). Д. Н. Любимов возвращался с П. Н. Дурново 28 ноября 1905 г. с панихиды по П. Л. Лобко в здание МВД пешком и его «поразило» то обстоятельство, что его, «опытный в этом отношении взгляд не мог найти никаких даже признаков охраны министра. Во время своих выездов из дому Дурново ее совершенно отменил» (*Любимов Д. Н.* Указ. соч. Л. 458). П. Н. Дурново, подтверждает С. Ю. Витте, «бравировал опасностью» (Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 492). И. И. Толстой очень удивился, встретив 8 мая 1907 г. «П. Н. Дурново, прогуливавшегося с дочерью по Невскому пр[оспекту]» (*Толстой И. И.* Дневник в двух томах. Т. I. 1906–1909. СПб., 2010. С. 319).

²⁰ *Редигер Александр.* История моей жизни. Т. 2. М., 1999. С. 403.

ху-парня», проходимцев держал на дистанции²¹. Не перево-

---

²¹ Так, 7 декабря 1914 г. М. М. Андронников обратился к П. Н. Дурново с предложением подписать адрес И. Л. Горемыкину: «Если Вы его одобрите и найдете не противоречащим Вашим убеждениям – благоволите подписать и прислать мне обратно для немедленной отсылки другим лицам». П. Н. Дурново не пожелал быть в одной компании с князем: «Милостивый Государь князь Михаил Михайлович, по общепринятому обычаю, адреса политического характера подаются в самый день, к которому приурочиваются празднования юбилеев или годовщина известных событий, причем тексты адресов составляются по общему согласию лиц, принимающих на себя заботу о чествовании юбиляров. Между тем в данном случае мне совершенно неизвестно, по чьему почину был составлен адрес Ивану Логгиновичу, а представление его почти через 2 м-ца после 27-го Октября едва ли может быть оправдано какими-либо основаниями. Поэтому, не взирая на мое глубокое уважение к Ивану Логгиновичу, с которым нахожусь в течение многих лет в наилучших добрых отношениях, я затрудняюсь тем не менее подписать присланный Вами адрес». Андронников был уязвлен и, раздосадованный, отвечал колкостями (РГИА. Ф. 1617. Оп. 1. Д. 274. Л. 1–2). Днями ранее Андронников прислал этот адрес графу С. Д. Шереметеву с предложением подписать его. Шереметев запросил А. Г. Булыгина и в ответ получил: «Что касается адреса Горемыкину, то обязываюсь сказать, что Андронников – великий прохвост» (РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5124. Л. 113). Андронников князь Михаил Михайлович (1875–1919) – сын М. А. Андронникова, адъютанта в. к. Михаила Николаевича. Учился в Пажеском корпусе, отчислен по болезни (1895). Причислен к МВД (1897–1914). Камер-юнкер. Титулярный советник. В 1914–1916 гг. – чиновник особых поручений при обер-прокуроре Синода. В окружении Г. Е. Распутина (до февраля 1916: выслан в Рязань). С 23 марта по 11 июля 1917 г. – в тюрьме Трубецкого бастиона Петропавловской крепости. Расстрелян ВЧК. Его «били даже в специальных классах за его бросавшуюся в глаза извращенную безнравственность» (Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1986. С. 45). «По натуре, по его скромности он большой сыщик и провокатор и в некотором отношении интересный человек для власть имущих. <...> Одно понятно, что это дрянная личность. Он не занимает никакого положения, имеет маленькие средства, неглупый, сыщик не сыщик, плут не плут, а к порядочным личностям, несмотря на его княжеское достоинство, причислиться не может» (Из ар-

дил принципиальные разногласия в плоскость личных отношений²². Помнил сделанное по его адресу добро, отвечал тем же²³.

Хорошо разбирался в людях. С. Д. Шереметев как-то разговорился с ним о Николае II, а затем записал: «Перешли на анализ личности и характера. Д[урново] рассказал несколь-

---

хива С. Ю. Витте. Т. 1. С. 747; Т. 2. С. 238). «Княжеский титул, невероятный апломб, беглый французский язык, красивая остроумная речь, то пересыпанная едкой бранью, то умелой лестью и комплиментами, а также бесконечно великий запас сведений о том, что было и чего не было, – все это делало князя весьма интересным и для многих нужным человеком. И его принимали, хотя за глаза и ругали, ибо все отлично знали, что нет той гадости, мерзости, сплетни и клеветы, которыми бы он не стал засыпать человека, пошедшего на него войной. <...> Он знал все, кроме революционного подполья» (*Спиридович А. И.* Великая Война и Февральская Революция 1914–1917 гг. Кн. I. Нью-Йорк, 1960. С. 217, 218).

²² Когда внутренняя и внешняя политика В. Н. Коковцова подверглась резкой критике со стороны правой группы Государственного Совета, П. Н. Дурново выражал к нему лично «крайне внимательное отношение» (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Т. 2. Париж, 1933. С. 319).

²³ В. Ф. Джунковский, будучи в мае 1911 г. проездом в Берлине, навестил в больнице ожидавшего операцию П. Н. Дурново. «Мое посещение в такое тяжелое для него время (Дурново был в опале, одинок: его никто не посещал. – А. Б.), – вспоминал В. Ф. Джунковский, – оставило в нем благодарное ко мне чувство, и когда я уже был товарищем министра внутренних дел, то, несмотря на некоторую разность наших взглядов относительно ведения дел в Департаменте полиции, он всегда относился ко мне не только доброжелательно, но и предупредительно» (*Джунковский В. Ф.* Указ. соч. Т. 1. М., 1997. С. 566). П. Ф. Лесгафт лечил сына П. Н. Дурново. «Да, когда никто не помог, за мной прислали. И, – Петр Францевич лукаво улыбается, – зато *при нем* меня пальцем не трогали» (*Фигнер Вера.* После Шлиссельбурга. Избранные произведения в трех томах. Том третий. М., 1933. С. 202). URL: <http://narovol.narod.ru/art/lit/fl19.htm> (дата обращения: 27.02.2013).

ко эпизодов из прошлого в связи с личными отношениями. Говорил умно, дельно; <...> Вижу, что у Д[урново] иллюзий никаких. И *connait non homme*»²⁴²⁵.

Был чужд подозрительности²⁶. Умел подбирать себе достойных сотрудников, принимая во внимание прежде всего их деловые качества. При этом чувства сотрудника к нему или его – к сотруднику не имели большого значения. Так, управляющего Земским отделом МВД в высшей степени даровитого В. И. Гурко, имевшего, и не без основания, репутацию «нахала»²⁷, отличали «настойчивая энергия и редкий апломб»²⁸. Его «отношения с Дурново еще при Плеве были по меньшей мере натянутые. При Мирском они испортились окончательно» (до степени, когда на сказанное «Я вам как товарищ министра приказываю» П. Н. Дурново услышал: «Руки коротки»). Поэтому, как только Дурново был назначен министром, Гурко подал прошение об увольнении от должности, сопроводив следующим: «Так как вы, Петр Николаевич, питаете ко мне столь же мало симпатий, как я к вам, то служить нам вместе, конечно, нельзя». «Каково же было мое удивление, – продолжает В. И. Гурко, – когда в

---

²⁴ *Connait non homme* – ведун, а не человек (*фр.*).

²⁵ Дневник С. Д. Шереметева. Запись 21 февр. 1911 г. // Д. 5056. Л. 36–37.

²⁶ «Подозрительность вообще не в моем характере», – заметил он в письме к С. Ю. Витте (РГИА. Ф. 1662. Оп. 1. Д. 312. Л. 1 об.).

²⁷ *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 411. Запись 16 ноября 1906 г.

²⁸ *Бельгард А. В.* Воспоминания. М., 2009. С. 343.

ответ я услышал: “Ваши и мои чувства тут решительно ни при чем. Мы переживаем такое время, когда о чувствах речи быть не может. Я считаю вас полезным на том месте, которое вы занимаете и прошу вас на нем оставаться. Уходить при этих условиях, какие бы ни были ваши чувства ко мне, вы не имеете права”»²⁹. Более того: 2 марта 1906 г. провел назначение В. И. Гурко своим товарищем (заместителем).

Тогда же он сделал своим товарищем и С. Е. Крыжановского, который «по своей неутомимой энергии, работоспособности, организаторскому таланту и знанию дела являлся в полном смысле слова человеком выдающимся, а по условиям своей личной жизни он обладал возможностью всецело отдавать себя интересам службы»³⁰.

При этом «всех своих ставленников П. Н. Дурново энер-

---

²⁹ Гурко В. И. Указ. соч. С. 484. В. И. Гурко, по свидетельству А. В. Бельгарда, «выделялся всегда действительным знанием дела, точной определенностью своих взглядов и исключительной способностью легко и ясно формулировать свою мысль» (Бельгард А. В. Указ. соч. С. 338). «В. И. Гурко был человек редкой личной одаренности и блестящий представитель той умной, живой и изумительно работоспособной бюрократии, которую создала императорская Россия и в создание которой вложились такие люди, как М. М. Сперанский, Е. Ф. Канкрин, М. А. Корф, Д. А. и Н. А. Милютины и многие другие крупные люди. Это сочетание личной одаренности и групповой культуры поражало в покойном В[ладимире] И[осифовиче]» (Струве П. Б. Дневник политика (1925–1935). М.; Париж, 2004. С. 236). «Являлся одной из самых крупных фигур бюрократии, – выдающегося ума, непреклонного характера и крайнего монархического направления, – и мог бы сыграть очень серьезную роль, если бы остался в рядах правительства» (Курлов П. Г. Гибель Императорской России. М., 1992. С. 177).

³⁰ Бельгард А. В. Указ. соч. С. 336.

гично отстаивал»³¹. Так, убедившись в правоте начальника петербургского охранного отделения А. В. Герасимова, «с первого своего свидания с Дурново» настаивавшего на необходимости больших арестов, П. Н. Дурново проникся большим уважением к нему и «начал всячески его выдвигать, открыто называя его самым крупным из деятелей политического розыска того времени»³².

П. Н. Дурново заботился о судьбе своих сотрудников. Так, 25 апреля 1906 г. он, уже не министр, просит председателя Совета министров И. Л. Горемыкина исходатайствовать назначение в Сенат Э. И. Вуичу: «Директор департамента полиции Эм[мануил] Ив[анович] Вуич, приглашенный мною на эту должность из Прокуроров СПб[ургской] судеб[ной] палаты чувствует себя до такой степени утомленным, что не считает возможным оставаться Директором Департамента. Будучи старым судебным деятелем, он давно уже мог быть кассац[ионным] Сенатором, но по своим выдающимся познаниям призывался к более деятельной службе. Предместник его Гарин по моему ходатайству был назначен Сенатором с окладом в 10 т. рублей. Мне кажется, Вуичу нельзя, по справедливости, отказать в том, что сделано для Гарина, и я

---

³¹ Любимов Д. Н. Указ. соч. Л. 452–454.

³² Николаевский Б. И. История одного предателя. М., 1991. С. 177. А. В. Герасимов – «интересный и умный человек» (Б. И. Николаевский – М. А. Алданову, 17 янв. 1930 г. // Источник. 1997. № 2. С. 61).

убедительно прошу Вас помочь этому делу»³³.

Просит о сердобском исправнике: «Еще раз позволяю себе свидетельствовать перед Вами об его выдающихся служебных достоинствах, честности и такте. Живя в Сердобске, он вынужден воспитывать сына в Пензе, что вызывает чрезмерные для него расходы. Вы меня несказанно обяжете, приняв участие в судьбе Г. Доброхотова»³⁴.

Упрекали его в беспринципности. Однако, «беспринципность Дурново, – утверждает В. И. Гурко, – не относилась до его политических взглядов. В этой области он имел весьма определенные и стойкие убеждения и к делу, которым заведовал, относился весьма вдумчиво, можно сказать, любовно, как безусловно любил Россию и болел о всех ее неудачах»³⁵. О высокой принципиальности П. Н. Дурново и его единомышленников в отстаивании исповедуемых ценностей свидетельствует их отказ участвовать в чествовании памяти Л. Н. Толстого в Государственном Совете 10 ноября 1910 г. «Великое и всемирное значение покойного в области литературно-художественного творчества, – говорилось в их заявлении, – не устраняет тягостных впечатлений от его социально-политической деятельности, которая в течение свыше 30 лет была с неусыпной энергией направлена к разруше-

---

³³ П. Н. Дурново – И. Л. Горемыкину, 25 апр. [1906 г.] // РГИА. Ф. 1626. Оп. 1. Д. 741. Л. 7–8.

³⁴ П. Н. Дурново – И. Л. Горемыкину, 29 сент. [1906 г.] // Там же. Л. 4–4 об.

³⁵ Гурко В. И. Указ. соч. С. 483.

нию Христианской Веры, Православной Церкви и русской Государственности. Настойчиво распространяемые последователями гр[афа] Л. Н. Толстого учения его вносили смуту в духовное миросозерцание нашего народа и расшатывали исконные устои общественного и семейного строя русской жизни. Поэтому, затрудняясь отделить личность Графа Толстого, гениального литератора и художника от его пагубной социально-политической и противорелигиозной деятельности, мы не можем присоединиться к упомянутому выше чествованию его памяти в высшем законодательном учреждении Империи»³⁶.

Некоторые из современников отмечали и негативные черты его личности: был «очень своенравный, вспыльчивый человек, абсолютно не терпевший противоречий, иногда самодур»; бывал «чиновным»; «далеко не щепетильный в делах нравственности», «весьма неразборчивый в средствах для достижения намеченной цели». Был человеком большой «ловкости, знавший все ходы и выходы, осведомленный обо всех интригах».

М. М. Ковалевский отмечал «цинизм его отношения к управляемым классам»³⁷. Замечание, по-видимому, справедливое: сам П. Н. Дурново говорил о властных характерах, способных «вести людское стадо внушением сильной

---

³⁶ РГИА. Ф. 878 (Татищевы). Оп. 2. Д. 205. Л. 1–2. Заявление подписали 37 членов правой группы, первым – П. Н. Дурново.

³⁷ Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 400.

воли»³⁸.

Грубая форма выражений, «к сожалению, была свойственна» П. Н. Дурново «и так многих от него отталкивала»³⁹.

Л. А. Тихомиров ставил ему в упрек то, что в 80-е – начале 90-х гг. XIX в. «он не имел никаких великих целей жизни. Потом он переменялся, но в том времени, конечно, не был религиозным. Он был *очень либеральных* взглядов. Едва ли он тогда сколько-нибудь понимал монархию. Но он служил монархам, был Директором полиции (и превосходным) и всегда деяния либералов пресекал. Он, как натура, м[ожет] б[ыть], полубезразличная, но глубоко государственная, был *человеком порядка*, и это, конечно, было его, м[ожет] б[ыть], единственное глубокое убеждение. Ничего идеалистического у него, мне кажется, не было. И так – будучи *гениальных способностей*, огромной силы, неподражаемой трудоспособности, и почти чудесной проницательности, – он большую часть жизни провел, не совершивши ничего, сколько-нибудь достойного его удивительных дарований. Это возможно себе объяснить только отсутствием каких-либо великих целей». Позднее он, – продолжает Л. А. Тихомиров, – «явился передо мной в новом свете. Это уже не был поверхностный “че-

---

³⁸ В обновленной России. Впечатления. Встречи. Мысли. Барона Ф. Ф. Врангеля, бывш. директора Императорского Александровского Лицея. СПб., 1908. С. 50.

³⁹ Любимов Дм. На рубеже 1905 и 1906 годов // Возрождение. 1934. 17 июня. С. 5; Бельгард А. В. Указ. соч. С. 311.

людей порядка”. Страшные развивающиеся события, грозившие разрушить не только монархию, но и Россию, как будто пробудили в нем дремавшего *русского человека*. Он уже не был ни весел, ни разговорчив, ни остроумен, а серьезен и вдумчив. Он увидел не простой “порядок”, а *основы* русского бытия и почувствовал их родными себе. Я увидел ту же могучую волю и энергию; он был полон сил; но это был *государственный русский человек*, проникший в самую глубину нашего отчаянного положения. Он был проникнут стремлением *восстановить власть* во всем ее могучем величии»⁴⁰.

Современникам было, по-видимому, непросто характеризовать П. Н. Дурново: впечатление он производил различное, в зависимости от обстановки, времени, настроения, да и личностью был противоречивой, исключавшей однозначные оценки. Многие пытались это схватить. Так, А. П. Извольский писал: П. Н. Дурново «являлся человеком столь же прямолинейным, сколь и честолюбивым; но, с другой стороны, он был очень интеллигентным и одарен редкой энергией»⁴¹.

Некоторые из них, сравнивая П. Н. Дурново с другими выдающимися его современниками, предпочитали его. «По природным дарованиям, – считал С. Д. Сазонов, – Дурново должен быть поставлен выше [И. Г.] Щегловитова». Он же, сопоставляя его с С. Ю. Витте, заключал: «В отношении от-

---

⁴⁰ Дневник Л. А. Тихомирова. 1915–1917 гг. Запись 12 сент. 1915 г. М., 2008. С. 128–129, 130. Подчеркнуто автором.

⁴¹ Извольский А. П. Указ. соч. С. 21.

сутствия воспитания и культуры они оба стояли на одном приблизительно уровне. Что касается твердости воли и практического смысла, я думаю, что Дурново заслуживает пальму первенства»⁴². К такому же выводу приходил и В. И. Гурко: «Если сравнивать этих лиц (С. Ю. Витте и П. Н. Дурново. – А. Б.) по их умственным силам, по степени их понимания событий и по их политической прозорливости, то преимущество должно быть, вне всякого сомнения, отдано Дурново. <...> Дурново оказался человеком более сильной воли, нежели Витте. <...> Дурново, несомненно, обладал прозорливым государственным умом и стоял в этом отношении неизмеримо выше Витте⁴³. Скажу больше, среди всех государственных деятелей той эпохи он выделялся и разносторонними знаниями, и независимостью суждений, и мужеством высказывать свое мнение»⁴⁴.

---

⁴² Сазонов С. Д. Воспоминания. Берлин, 1927. С. 358.

⁴³ Факт, подтверждающий данное утверждение В. И. Гурко, – буквально накануне войны С. Ю. Витте, будучи в русском посольстве в Париже, отрицал возможность войны: «Итак, повторяю еще раз, никакой войны быть не может и не будет» (Татищев Б. А. На рубеже двух миров. Во Франции – в первую мировую войну // Новый журнал. Кн. 138. Нью-Йорк, 1980. С. 137–138). Граф Борис Алексеевич Татищев служил по дипломатическому ведомству; во время войны был во Франции.

⁴⁴ Гурко В. И. Указ. соч. С. 225, 474, 485.

Род. Родители. Семья

Русский дворянский род Дурново происходит от Индроса, упоминаемого впервые в родословной росписи Разрядного приказа 1686 г. По родословной легенде, этот Индрос, «муж честна рода», в 1353 г. выехал воеводой в Чернигов «из Немец, из Цесарския земли» с двумя сыновьями и с ними «дружина людей их 3 тысячи мужей»⁴⁵. При крещении отец был назван Леонтием, старший сын Литвинос (Литвонис) – Константином, а младший Зимонтен (Зимантен) – Федором. Были они в Чернигове боярами. Федор умер бездетным.

Внук Константина, Андрей Харитонович, «приехал из Чернигова к Москве, к великому князю Василию Васильевичу всея Руси», и великий князь прозвал его «Толстым»; от него ведут род Толстые.

Василий Юрьевич Толстой, правнук Андрея (IV колена рода Толстых, 2-я половина XV века) «имел характер скверный, нрав необузданный и по любому поводу вспыхивал, аки порох». Отсюда и прозвище – «Дурной». Внук его Николай (Микула) Федорович уже официально значился как Дурново. От его шести сыновей (Тимофей, Петр, Дмитрий, Иван,

---

⁴⁵ Высказано предположение, что родоначальник был чех: не «Индрос», а «Индржих» – чешское «Андрей» (*Калиткин Н. Н., Калиткина Е. Н.* Предок Толстых и Дурново – чех? // Известия АН. Серия литературы и языка. Т. 52. М., 1993. № 4. С. 69–71).

Остафей/Астафий/Евстафий и Яков) и пошли дворяне Дурново⁴⁶.

В начале XX столетия Дурново значились в VI части дворянских родословных книг Вологодской, Калужской, Костромской, Московской, Орловской, Петербургской, Тамбовской и Тверской губерний; были владельцами имений еще и в Вятской, Курской, Минской, Нижегородской, Плоцкой, Полтавской, Тульской, Черниговской и Ярославской; владели домами в Петербурге, Москве, во многих губернских и уездных городах; были в родстве с Акимовыми, Башмаковыми, Беклемишевыми, Бибиковыми, Веселовскими, Волконскими, Голицыными, Грибоедовыми, Гундоровыми, Дашковыми, Демидовыми, Ермоловыми, Жихаревыми, Кавелиными, Капнистами, Карауловыми, Кривцовыми, Левшиными, Львовыми, Милорадовичами, Мышецкими, Одоевскими, Петровскими, Раевскими, Савельевыми, Савеловыми, Савицкими, Симанскими, Скобельцыными, Скоропадскими, Хитрово, Хрипуновыми, Шеиными и многими другими.

Среди представителей рода встречаются стряпчие, воеводы, стольники, полицмейстер, военные моряки, офицеры гвардейских и армейских полков, придворные чины, губер-

---

⁴⁶ Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Т. 2. СПб., 1887; Савелов Л. М. Родословные записи. Вып. 3. М., 1909. С. 133–137; РГИА. Ф. 1343 (Третий департамент Сената). Оп. 51. Д. 232. Л. 63 об.–77 об. Кроме Толстых и Дурново, из потомства Индроса выделились дворянские роды Васильчиковых, Молчановых, Тухачевских и Федцовых.

наторы и генерал-губернаторы, министры, сенаторы, статс-секретари, члены Государственного Совета, уездные и губернские предводители дворянства, мировые посредники, деятели земского и городского самоуправления, мировые судьи, прокуроры, присяжный поверенный, публицист, артист, преподаватели военных училищ, инженеры путей сообщения, члены правления акционерных обществ и банков, ученый, революционерка.

Дурново участвовали во всех войнах, какие вела Россия, прошли через Гражданскую, многие эмигрировали; немало погибло их в коммунистических лагерях; живут и в современной России.

Некоторые из Дурново стали достаточно известными. Так, двоюродный прадед П. Н. Дурново, Николай Дмитриевич (12.04.1733–3.11.1815), начал службу солдатом в л. – гв. Семеновском полку (1742), закончил ее генерал-аншефом (1770); занимал должности обер-штер-кригс-комиссара (с 1770), генерал-провиантмейстера (с 1771), генерал-кригс-комиссара (с 1775), сенатора (с 1783), управляющего Провиантским департаментом (1791–1797); Екатерина II уважала его за бескорыстие и честность, пожаловала ему 1828 душ в Плоцкой и Минской губерниях; имел награды до ордена св. Владимира I ст. вкл. (1794).

Его сын Дмитрий Николаевич (14.02.1768–11.12.1834) – участник войны со Швецией (1789), гофмаршал и командор Мальтийского ордена (1799), обер-гофмаршал и пре-

зидент Гоф-интендантской конторы, петербургский губернский предводитель дворянства (1830).

Другой сын Николая Дмитриевича – Иван (20.01.1782–1.07.1850) – героический участник сражений с французами (1807, 1812–1814) и турками (1810), контуженный и дважды раненый, кавалер орденов св. Владимира IV ст. с бантом и св. Георгия IV ст., награжденный за храбрость золотой шпагой, генерал-майор (1814, за отличие под Лейпцигом)⁴⁷.

Василий Акимович (5.04.1777–30.01.1834) – восьмьюродный дядя П. Н. Дурново – капитан-лейтенант, «оставил после своей смерти большой капитал (свыше 300 тыс. рублей), который завещал использовать на воспитание бедных дворян в Морском корпусе, а также в Первом Московском кадетском сухопутном корпусе. На проценты с этого капитала, увеличившегося еще от продажи его четырех доходных домов в Москве и имения в Богородском уезде Московской губернии, были учреждены стипендии для платы за обучение шести воспитанников Морского кадетского корпуса и шести воспитанников Первого Московского кадетского корпуса ежегодно»⁴⁸.

Николай Дмитриевич (1792–1828) – четвероюродный дядя – «храбрый офицер» (Александр I), поручик свиты

---

⁴⁷ Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг. // Российский архив. Т. VII. М., 1996. С. 387–388.

⁴⁸ Алексеев А. И. Геннадий Иванович Невельской. 1813–1876. М., 1984. С. 21.

(1811), член тайного общества «Рыцарство» (1811), участник военных кампаний 1812–1814 гг., флигель-адъютант Александра I, был 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади вместе с Николаем I, когда тот вел Преображенский 1-й батальон к углу Адмиралтейского бульвара; участвовал в неудачной попытке уговорить декабристов; произвел арест К. Ф. Рылеева; в январе 1826 г. проводил в Киеве расследование восстания Черниговского полка; управлял канцелярией начальника Главного штаба И. И. Дибича. Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг., убит при штурме Шумлы. Автор Дневника (РГБ), частично опубликованного (Вестник общества ревнителей истории. Вып. 1. 1914; Декабристы. Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина. Вып. 3. М., 1939)⁴⁹.

Елизавета Петровна (1855–1910) – десятиюродная сестра – дочь отставного ротмистра Петра Аполлоновича и Елизаветы Никаноровны, урожденной Посылиной (из купеческой семьи); окончила высшие курсы В. И. Герье; член – последовательно – «Земли и Воли», «Черного передела», партии эсеров, группы максималистов; дважды арестовывалась, заключалась в Петропавловскую крепость (1880) и тюрьму (1906); оба раза освобождалась под залог и вскоре скрывалась за границу; мать С. Я. Эфрона; повесилась после самоубийства младшего сына Константина.

Петр Павлович (6.12.1835–31.12.1918, Пг.; убит в очере-

⁴⁹ О нем: Записки графа Е. Ф. Комаровского. М., 1990. С. 143.

ди женщинами) – пятиюродный брат – окончил Пажеский корпус корнетом (1853), Николаевскую военную академию (1855). Службу начал в Кавалергардском полку (с 1853). Участник обороны крепости Свеаборг (1853–1856), боевых действий против горцев Кавказа (1859–1860). Харьковский (1866–1870) и московский (1872–1878) губернатор. Управлял департаментом уделов (1882–1884). Генерал-губернатор Москвы (1905). Генерал-адъютант (1905). Председатель Петербургской городской думы (с 1904). Крупнейший земли и домовладелец. Предприниматель. Коллекционер произведений искусства и редких растений. Жена его, Мария Васильевна, урожденная княжна Кочубей, владела несколькими имениями в Полтавской губ. Их дочь Александра замужем за П. П. Скоропадским.

Их сын Павел (23.06.1874–22.01.1909, Пирей, Греция) – герой русско-японской войны. Окончив Морской корпус (1893), служил на судах Тихоокеанской эскадры. Командуя эсминцем «Бравый», участвовал в Цусимском сражении и прорвался во Владивосток (один из трех). Капитан 2-го ранга (20.05.1905, за отличие). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. (18.09.1905).

Николай Николаевич (23.10.1876–27.10.1937) – четвероюродный племянник⁵⁰ – исследователь древнерусской пись-

---

⁵⁰ А. Н. Дурново, по словам С. М. Голицына, считал П. Н. Дурново двоюродным братом своего деда; в этом случае Н. Н. Дурново – двоюродный племянник П. Н. Дурново (*Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1990. С. 304*)

менности и диалектов русского языка, автор первого русского словаря лингвистических терминов (1924), член-корреспондент РАН (1924), затем АН СССР, действительный член АН Белорусской ССР (1928–1929), арестован по делу т. н. Российской народной партии (1933), осужден коллегией ОГПУ на 10 лет лагерей (1934). На Соловках, где отбывал заключение, особой тройкой УНКВД ЛО приговорен к высшей мере наказания и расстрелян. Реабилитирован (1964). Оба его сына – Андрей (1910–1938) и Евгений (?–1938) – арестованы и расстреляны.

Среди прямых предков П. Н. Дурново (дед, прадед, прапрадед и т. д.) никто особо не выделился; один лишь Константин Евстафьевич – третье колено от основателя рода Микулы Федоровича – участвовал в Земском соборе 1613 г. и подписал грамоту об избрании на царство Михаила Романова.

Здесь уместно заметить, что утверждение С. Ю. Дудакова о еврейских корнях П. Н. Дурново («тоже из рода Веселовских»), основанное на том, что Павел Веселовский выдал одну из своих дочерей «за Дурново»⁵¹, не находит подтверждения в поколенных росписях: Иван Иванович Дурново, женившийся на Пелагее Павловне Веселовской, приходится П. Н. Дурново пятиюродным прадедом⁵².

---

⁵¹ Дудаков С. Ю. Петр Шафиров. Иерусалим, 1989. С. 99.

⁵² См.: La Noblesse de Russie. Publes par Nicolas Ikonnikov. Paris, 1957. Vol. C. 2. P. 579–580. № 86 (Копия, хранящаяся в Отделе генеалогии Государственного

Петр Николаевич Дурново (XI колена рода) родился в понедельник 23 ноября 1842 г.⁵³ в Твери в доме бабушки Веры Петровны Львовой.

Петр – имя деда (Львова), обоих прадедов (Львова и Лазарева) и прапрадеда (Львова) по материнской линии. По наблюдениям П. А. Флоренского, «горячее имя, с темпераментом и некоторою элементарностью»⁵⁴.

1842 год – по китайскому гороскопу – год водяного тигра⁵⁵.

музея А. С. Пушкина. Автор весьма признателен сотрудникам Отдела за любезно предоставленную возможность познакомиться с нею).

⁵³ См. обоснование: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. 1802–1917. Биобиблиографический справочник. Изд. 2-е. СПб., 2002. С. 263. В Полном послужном списке лейтенанта П. Н. Дурново (РГАВМФ. Ф. 406. Оп. 3. Д. 717. Л. 381) датой рождения указано 24 ноября 1842 г.

⁵⁴ *Флоренский П.* Тайна имени. М., 2007. С. 372.

⁵⁵ «Тигр рожден под знаком мужества. Он – фигура властная, придерживается твердых убеждений и взглядов. У Тигра сильная воля, он человек решительный и делает все с огромной энергией и энтузиазмом; очень подвижен, обладает быстрым умом, чрезвычайно активен. Он привык к оригинальному мышлению, полон новых идей и всегда готов взяться за осуществление какого-либо нового проекта. Тигр обожает, когда ему бросают вызов, любит участвовать в мероприятиях с интересным будущим. Он готов пойти на риск и очень не любит, когда его связывают условности или диктат со стороны других людей. Тигр стремится к свободе действий и по крайней мере раз в жизни способен отбросить осторожность и делать то, что хочет. У тигра беспокойный характер. Он способен полностью

Восприимчиками при крещении были неслужащий статский советник и кавалер В. М. Фиглев и статская советница

отдаться какому-либо проекту, но может случиться, что его энтузиазм погаснет, если появится что-либо более увлекательное. Он может быть очень импульсивным, но может пожалеть о совершенных поступках. Тигр, как правило, удачлив в делах, но в результате провала способен впасть в довольно длительную депрессию. Жизнь Тигра всегда состоит из взлетов и падений. Однако Тигр легко приспособливается к обстоятельствам. Он предприимчив и редко остается подолгу на одном месте. На ранних этапах жизни может сменить несколько профессий и часто переезжает с места на место. Тигр честен и открыт в деловых отношениях с партнерами, ненавидит лицемерие и ложь, склонен откровенно и четко выражать свое мнение. Он способен возмутиться, если на него оказать авторитарное давление, это может создать конфликтную ситуацию, но Тигр никогда не отступает и твердо отстаивает свои убеждения. Тигр всегда выступает в роли лидера, достигает самой верхней ступеньки на профессиональной лестнице. Однако не любит бюрократии и неохотно подчиняется приказам. Тигр упрям, имеет независимый нрав, не желает ни перед кем отчитываться. Он склонен считать, что никому не обязан своими успехами, кроме самого себя, и редко обращается за помощью к другим людям. Как ни странно, несмотря на свою самоуверенность и качества лидера, Тигр может быть нерешительным и откладывать принятие важного решения до последнего момента. Он также болезненно воспринимает критику. Несмотря на то, что Тигр зарабатывает немало денег, он может быть расточительным и не всегда выгодно вкладывает деньги. Однако он бывает очень щедрым, осыпая дарами своих друзей и родственников. Тигр очень заботится о своей репутации и о том, какое впечатление производит на окружающих, ведет себя с достоинством, ему нравится быть в центре внимания. Он любит, когда говорят о нем или о деле, которое он возглавляет. У водяного Тигра чрезвычайно широкий круг интересов, он всегда готов экспериментировать с новыми идеями и исследовать далекие земли. Он широко образован, умен и добр. Он остается спокойным в кризисной ситуации, однако временами проявляет досадную нерешительность. У него складываются хорошие взаимоотношения с окружающими, он умеет убеждать людей и, как правило, достигает своих целей в жизни. У него живое воображение, и он легко может стать талантливым оратором или писателем» (*Нейл Сомервилл*. Ваш китайский гороскоп. М., 2004).

вдова Вера Петровна Львова, бабушка.

Петр был третьим ребенком, после Веры (1839–?) и Елизаветы (1841–?). До поступления его в Морской корпус родились еще три сестры – Мария (1843–?), Любовь (1845–?) и Варвара (1849–?) и два брата – Николай (1847–?) и Александр (1851–16.07.1857).

* * *

Отец Петра, Николай Сергеевич⁵⁶, был не без способно-

---

⁵⁶ *Дурново* Николай Сергеевич (10.03.1817, Москва – не ранее 1869) – из дворян Московской губ. Православный. Окончив частный пансион в Москве, поступил унтер-офицером в Гусарский е. в. короля Вюртембергского полк (1835). Юнкер (1835). Корнет (1838). Уволен по домашним обстоятельствам для определения к статским делам (1838). Определен прапорщиком в С.-Петербургский жандармский дивизион (1839). Прикомандирован к штабу Корпуса жандармов (1840), затем – к III отделению с. е. и. в. канцелярии для исправления должности цензора (1840). Перемещен в Дербент в той же должности (1840). Произведен в поручики (1841, за отличие). Перемещен в С.-Петербургскую губернию (1841). Уволен от службы штаб-капитаном по болезни (1842). Определен (по прошению) в III департамент министерства государственных имуществ и переименован Сенатом в губернские секретари (1842). Уволен по прошению (1843). И. д. городничего в г. Вилькомир Виленской губ. (1844). Благодарность министра внутренних дел (1844). Уволен по прошению (1845). Определен штатным смотрителем Слонимского уездного для дворян училища (1845). Председатель Слонимской Еврейской комиссии (1845). Произведен в коллежские асессоры (1845). Уволен по прошению (1851). Определен (по прошению) кандидатом для занятия должности (в губернии) по МВД (1851). Командирован в Могилевскую губ. для сбора сведений по народному продовольствию (1852). Произведен в надворные советники (1852, по выслуге лет). Командирован в Саратовскую губ. «для про-

стей, однако крайне легкомысленный, не развивший в себе привычки к повседневной систематической деятельности и совершенно, по-видимому, лишенный чувства долга. В самом деле, 22-летним корнетом, не став крепко на ноги (ни у него, ни у его родителей не значилось ни родового, ни благоприобретенного имени), он женится. Семья быстро растет (в начале 13-го года семейной жизни он – отец восьмерых детей), однако он никак не может найти себе дело по душе и закрепиться на каком-либо месте. За 22 года службы он сменил 10 мест, испробовав себя гусаром, жандармом, цензором, министерским чиновником, городничим, смотрителем училища, вице-губернатором. За это время он 5 раз был в отставке, что составило около 4-х лет (18 % всего времени службы).

В 1854 г. он сделал резкий карьерный рывок: был назначен и. о. саратовского вице-губернатора. Произошло это вследствие чрезвычайных обстоятельств. В марте 1853 г. 36-летний Н. С. Дурново был командирован в Саратов для производства следствия о двух пропавших мальчишках. Здесь судьба свела его с Н. И. Костомаровым⁵⁷. Сосланный летом

изведения исследования о пропавших в Саратове двух мальчиков, которые впоследствии найдены умерщвленными» (1853). «Окончив поручение с отличным усердием, возвратился в С.-Петербург» (1853). И. о. саратовского вице-губернатора (1854). Отозван в С.-Петербург (1855). И. д. виленского вице-губернатора (1855, не отбывал). И. о. олонцкого вице-губернатора (1856). Уволен (1857) (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 5. Д. 4880. Л. 4–6; РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 735. Л. 74–74 об.)

⁵⁷ *Костомаров* Николай Иванович (1817–1885) – внебрачный сын помещика

1848 г. в Саратов, он был определен переводчиком при губернском правлении с жалованием 350 рублей в год. «Переводить было нечего, – вспоминал он, – и я только числился на службе».

Что произошло в Саратове в 1853 г. и каковы были последствия? Послушаем сначала Н. И. Костомарова: «С 1853 года начались для меня некоторые неприятности. В Саратове произошло замечательное событие: пропало один за другим двое мальчиков, оба найдены мертвыми с видимыми признаками истязания: один в марте на льду, другой – в апреле на острове. Всеобщее подозрение падало на евреев, вследствие старинных слухов о пролитии евреями христианской детской крови. Присланный из Петербурга по этому делу чи-

---

и крепостной. Окончил историко-филологический факультет Харьковского университета. Магистр (1844). Аджюкт-профессор Киевского университета (1846). Сблизившись с украинскими учеными и литераторами, стал одним из организаторов Кирилло-Мефодиевского общества, автором его программы. Арестован (1847) и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Сосланный в Саратов, познакомился и сблизился с Н. Г. Чернышевским, А. Н. Пыпиным, поляками, сосланными за участие в восстании 1830–1831 гг.; изучал национально-освободительную борьбу под руководством Б. Хмельницкого и восстание С. Разина. Освобожденный от полицейского надзора (1856), служил секретарем саратовского губернского комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. С 1859 г. – экстраординарный профессор Петербургского университета. На его «вторниках» бывали Чернышевский, Т. Г. Шевченко, Н. А. Добролюбов, Н. А. Некрасов, В. В. Стасов и многие другие представители «передовой интеллигенции». После выхода в отставку (1862) занимался исследованиями по широкому спектру проблем русской и украинской истории, беллетристикой и публицистикой. Похоронен на Волковском кладбище (музей-некрополь «Литераторские мостки»).

новник Дурново потребовал от губернатора чиновника, знающего иностранные языки и, кроме того, знакомого с историей. Губернатор откомандировал к нему меня. Прежде всего мне дали для перевода странную книгу: это были переплетенные вместе печатные и писанные отрывки неизвестно откуда на разных языках, заключающие в себе официальные документы о необвинении иудеев в возводимом на них подозрении в пролитии христианской крови. Тут были и папские буллы, и декреты разных королей, и постановления сенатов, и циркуляры министров. Книгу эту нашли у одного еврея. После перевода этой книги меня просили составить ученую записку – опыт решения вопроса: есть ли какое-нибудь основание подозревать евреев в пролитии христианской детской крови. Так как для этого нужны были пособия, то при посредстве Дурново я и получил их от саратовского преосвященного Афанасия. Рассмотрев предложенный мне вопрос, я пришел к такому результату, что обвинение евреев хотя и поддерживалось отчасти фанатизмом против них, но не лишено исторического основания, так как еще до христианской веры уже существовало у греков и римлян подобное подозрение, как это показывают свидетельства Анпиона, говорившего, что Антиох Етифон, сирийский царь, нашел в иерусалимском храме греческого мальчика, приготовляемого иудеями к жертвоприношению, состоявшему в источении крови из жертвы, и Диона Кассия, по известию которого в городе Кирене, в Африке, греки перебили евреев

за то, что последние крали греческих мальчиков, приносили их в жертву, ели их тело, пили их кровь. Я указал сверх того на то обстоятельство, что евреи еще в библейской древности часто отпадали от религии Моисея и принимали финикийское идолопоклонство, которое отличалось священным детоубийством. Наконец, я привел множество примеров, случавшихся в средние века и в новой истории в разных европейских странах, когда находимы были истерзанные дети и всеобщее подозрение падало на евреев, и в некоторых случаях происходили народные возмущения и избиения евреев. Множество папских булл и королевских декретов, которые евреи собирали и хранили так усердно, показывает, что было нечто такое, что вынуждало явление этих документов, тем более что значительная часть этих официальных памятников, которыми евреи себя оправдывали, давались тогда, когда дававшие их явно нуждались в деньгах и т. д.

Но когда губернатор узнал о том что я написал, то призвал меня к себе и начал грозить, что он меня засадит в острог и напишет куда следует о моей неблагонадежности, чтобы меня послали куда-нибудь подальше и в худшее место. Дело в том, что губернатор допустил противозаконно проживать евреям в великорусской губернии, где им не дозволялось жительствоваь, опасался со стороны присланного чиновника под себя подкопа и не хотел, чтобы правительство признало подозрение на евреев сколько-нибудь основательным. В то же время он написал к Дурново отношение, в ко-

тором очернил меня и поставил ему в непристойность доверие ко мне как к лицу, дурно себя заявившему и находящемуся под надзором полиции. Я принужден был оставить еврейский вопрос.

На следующий год в саратовской администрации произошла большая перемена: губернатор был отставлен; за ним то же последовало со многими другими чиновниками; приехал новый губернатор Игнатъев и новый вице-губернатор; последним назначен тот же самый Дурново, который в предшествовавшем году производил следствие; к достижению этой должности ему, как я слышал, помогло мое сочинение, которое в министерстве признали за его собственное и сочли его ученым человеком. Но в должности вице-губернатора ему пришлось быть недолго: не более как через год он был замещен другим»⁵⁸.

---

⁵⁸ *Костомаров Н. И.* Автобиография // Костомаров Н. И. Русские нравы. М., 1995. С. 495, 499–501. Анпион – Аппиан – грек, римский историк, автор «Римской истории». Антиох IV Эпифан – царь Сирии из династии Селевкидов (175–163 гг. до н. э.) – в 171 г., возвращаясь из похода в Египет, подавил восстание в Иудее и подверг разгрому Иерусалим; с целью окончательного покорения Иудеи предпринял новый поход (168 г.): храм Яхве и город были разграблены, более 10 тысяч жителей обращены в рабов, иудейская религия была запрещена, введен культ греческих богов. Дион Кассий – древнегреческий историк начала III в., автор труда по римской истории. Кирена – греческая колония на средиземноморском побережье Африки. Губернатором был Матвей Львович Кожевников, брат декабриста, члена Северного общества А. Л. Кожевникова (1802–1867). Участник Хивинского похода В. А. Перовского (1839), бывший в 1839–1845 гг. наказным атаманом Уральского казачьего войска, кавалер ордена св. Георгия IV ст. (1844), генерал-майор, перешел на гражданскую службу действительным стат-

Н. С. Дурново и в самом деле все приписал себе. Ни словом не обмолвившись о записке Н. И. Костомарова, он так описал все перипетии своей командировки в Саратов: «В 1853 г., состоя на службе при Министерстве Внутренних Дел, я был командирован в г. Саратов для производства следствия о пропавших двух малышках, которые впоследствии были найдены убиенными с необыкновенными знаками и с обрезанием по Еврейскому обряду. Несмотря на всевозмож-

---

ским советником и с 1846 г. управлял Саратовской губ. Холостяк, отличался «любовью к веселой компании, шумному застолью, соленым шуткам и к лошадам». В своем кабинете «имел обыкновение заниматься за конторкой, сидя верхом на серебряном, усыпанном кораллами и бирюзой, казачьем седле на высокой подставке». Положение его как губернатора было непростым: в 1847–1848 гг. вспышки холеры и более 10 тысяч умерших; сильная засуха и пожары; усилившиеся грабежи; лично честный (уволенный в 1854 г., доживал в небольшом имении сестры очень стесненный в средствах), он не имел ни «вкуса», ни достаточной подготовки к административным и судебным делам, оказался слишком доверчив к подчиненным, что повело к процветанию взяточничества (особенно страдали преследуемые старообрядцы); губерния дворянская, а губернатор испортил отношения с дворянами, потребовав остричь длинные бороды и волосы; не заладилось с губернским предводителем дворянства Н. И. Бахметевым, да так, что обоих вызвали в 1850 г. в Петербург; губернатор получил три выговора от Сената, а министр внутренних дел уволил, по жалобе предводителя, начальника канцелярии губернатора и старшего советника губернского правления; серьезные недоразумения возникли у губернатора с архиепископом Афанасием; ко всему, губернатор еще и либеральничал: на обедах у него бывали вернувшийся после сибирской ссылки декабрист А. П. Беляев, студент Н. Г. Чернышевский (*Семенов В., Семенов Н. Саратов дворянский // Волга. 1998. № 11–12. С. 41; Записки и дневник Н. И. Бахметева // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. Т. XII. М., 2003. С. 286–289; Шомпулев В. А. Провинциальные типы сороковых годов. URL: <http://old-saratov.ru/foto.php?id=108> (дата обращения: 16.10.2011).*

ные интриги, препятствия, притеснения и противодействия, отвергнув все личные выгоды, после 9-месячного самоотверженного тяжкого труда, я открыл это важное преступление: дети были украдены и замучены Евреями для истечения крови, которую они рассылали в разные места.

В 1823 г. для исследования подобного рода дел в г. Велиже наряжена была комиссия из нескольких членов под председательством флигель-адъютанта Шкурина; в Саратов же я был послан один, в то время Коллежский Ассессор.

Совет Министерства Внутренних Дел и Комитет Гг. Министров, рассматривая произведенное мною следствие, признали мой труд усердным, добросовестным и дельным. За сим я был назначен Вице-Губернатором в Саратов»⁵⁹.

Существенно иначе объяснял это назначение министр внутренних дел С. С. Ланской: «Поручение сие он исполнил успешно, открыв не только следы тщательно сокрытого преступления, но и главных виновников онаго. Хотя впоследствии было дознано, что Дурново позволял себе разные, превышающие его обязанность действия, нарушал следственные нормы, допускал пристрастие и натяжки, но как М[инистерст]во убеждено было из результатов произведенного следствия, что допускаемые отступления были направлены не к сокрытию преступления и не к затемнению дела,

---

⁵⁹ Всеподданнейшее прошение Н. С. Дурново // РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 735. Л. 63–63 об. Прощение, датированное 20 июля 1857 г., было доложено царю, и он повелел препроводить прошение министру внутренних дел для личного ему, царю, доклада.

а, напротив, из усердного стремления к обнаружению зла, то и погрешность Дурново противу следственного порядка не была поставлена ему в вину. Министерство простерло свою снисходительность далее: желая вознаградить его за успешные действия по делу столь важному, навлекшему на него много вражды и мщения, бывший Министр Бибиков испросил Высочайшее соизволение на назначение его Вице-Губернатором в Саратове, имея еще и то в виду, что пребывание его там послужит с пользою к дальнейшему раскрытию обстоятельств совершенного преступления. Сообразно с сим Дурново было дано от Министра предложение содействовать в мере влияния его как Вице-Губернатора нарочно посланной и составленной из лиц разных ведомств Судебной Комиссии»⁶⁰.

Что касается его смещения с должности саратовского вице-губернатора, то Н. С. Дурново объяснял это царю так: «Во время следствия, предвидя важность и последствия это-

---

⁶⁰ Записка о Надворном Советнике Дурново. Копия // Там же. Л. 67–68 об. Записка эта составлена в МВД в связи со следующим. В. П. Дурново как «племянница покойного Адмирала Лазарева и сестра убитого в Севастополе Лейтенанта Львова» обратилась к вел. князю Константину Николаевичу с жалобой на «неправильное» увольнение от службы ее мужа. Вел. князь 30 июля 1857 г. просил министра С. С. Ланского доставить ему «о службе и увольнении от оной Г-на Дурново те сведения», которые могли бы дать «правильное и ясное понятие об этом деле» (Там же. Л. 61). 15 августа 1857 г. С. С. Ланской представил указанную записку вел. князю и довел до его сведения, что подробности этой записки он будет докладывать царю «при первом [ему] докладе» (Там же. Л. 66). 16 августа 1857 г. доклад царю был сделан (копия его на Л. 69–71 об.)

го дела, я неоднократно просил об отозвании меня из Саратова, присовокупляя при том, что, кроме злобы Евреев по столкновению и прикосновенности многих лиц, это сложное и важное дело оставит мне повсюду сильных врагов, погубит целое семейство и я один паду жертвою моей добросовестности. На это Начальство, постоянно уверяя меня в защите и покровительстве, приказывало непременно открыть виновных в преступлении.

Между тем противная партия, действуя в защиту Евреев, успела возбудить на меня доносы, жалобы и проч., так что люди самые добросовестные увлеклись этою партией, дали веру голословным доносам и тем невольно и бессознательно обратились в защитников Евреев. Вследствие чего я был вызван из Саратова в Петербург и перемещен в Вильно»⁶¹.

С. С. Ланской докладывал царю об этом иначе: «Начиная с сего времени (т. е. со времени назначения саратовским вице-губернатором. – А. Б.), Дурново действовал уже не только не благоразумно и с пользою, но желал присвоить себе власть и влияние на дело более, нежели ему приличествовало, – во многом препятствовал Судебной Комиссии своим напряженным и даже ложным направлением, подговаривая в иных случаях, призванных по делу свидетелей, делать ложные показания, от которых они потом отрекались, и поселяя из личных видов в других лицах, особенно купеческого звания, страх, что они будут привлечены к следственному делу.

---

⁶¹ Всеподданнейшее прошение Н. С. Дурново. Л. 63 об. – 64.

Все это доходило до М-ва; получены были даже сведения, что Дурново не чужд лихоимства и ведет нетрезвую жизнь, — но и тут не было еще дано полной веры этим сведениям, и распространение их относилось к недоброжелательству и мстительности, возбужденных против него за открытие преступления. Министерство терпело и щадило сего чиновника сколько из сострадания к нему самому, столько же и из желания не подорвать значения самих фактов, им открытых. Так прошли год и два месяца.

В сентябре 1855 г. получено из III Отделения С. Е. И. В. канцелярии сообщение, в котором было указано, что во время бывшего в июле того года пожара в Саратове, Вице-Губернатор Дурново дозволил себе разных бесчинств, будучи совершенно пьяным. В это время я уже вступил в управление Министерством и признал нужным отозвать сего чиновника из Саратова»⁶².

Отозванный из Саратова, Н. С. Дурново был назначен ви-

---

⁶² Записка о Надворном Советнике Дурново. Л. 67 об. — 68. Доносы писал и губернатор А. Д. Игнатъев (см. копии секретного письма его министру от 2 июля и «Особенной записки» от 4 августа 1855 г. // Там же. Л. 1–2, 4–5 об.), желая избавиться от Н. С. Дурново: сам злоупотреблял властью, покрывал насильников, «имел» с откупщиков виноторговли; позднее прославился жестокими преследованиями рабочих-строителей Волго-Донской железной дороги, кровавой расправой с крестьянами помещика Кочубея — все эти безобразия были раскрыты специально командированными в Саратов флигель-адъютантом Рылеевым и чиновником особых поручений МВД Арсеньевым. Комитет министров настаивал на увольнении Игнатъева, но его «прикрыл» родственник, военный министр Н. О. Сухозанет, и только после публикаций в «Колоколе» Герцена он был уволен (*Герцен А. И. Собр. соч.* в 30 т. Т. 15. М., 1958. С. 268, 271).

ленским вице-губернатором. Почему он туда не поехал – об этом пишет он глухо, делая вид, что не понимает: «Не получив однако ж в продолжении 9 месяцев отправления к месту нового назначения, я снова был перемещен в Петрозаводск»⁶³. Ланской докладывал вел. князю: «Не желая лишить его службы вовсе, я испросил соизволения Государя императора перевести его тем же званием в Виленскую губернию, но узнав вскоре, что Дурново оставил там по себе дурную память по состоянию в 1844 году в должности городничего в Вилькомире, от которой был вслед за тем уволен, я испросил Высочайшее разрешение переместить его в Олонецкую губернию»⁶⁴.

31.01.1857 г. Дурново был уволен со службы. По его словам, это – акт высшей несправедливости: «Совершенно неожиданно, без дознания, без следствия и без суда, во время управления губерниею, <...> по прошению, которого я никогда не подавал; тогда, как в 8½ месяцев моей службы в Петрозаводске я управлял 4 месяца Губерниею и во все время на меня не было ни жалобы, ни просьбы, ни даже не получал ни одного замечания от Начальства»⁶⁵.

Министр опровергает Дурново и в этом: «Не долго и здесь оставался Дурново без нареkania: из Петрозаводска, так же как и из Саратова, стали доходить о нем невыгодные слухи.

---

⁶³ Всеподданнейшее прошение Н. С. Дурново. Л. 64.

⁶⁴ Записка о Надворном Советнике Дурново. Л. 68.

⁶⁵ Всеподданнейшее прошение Н. С. Дурново. Л. 64.

Оба губернатора: Саратовский Игнатъев, приехавший сюда летом 1856 г., и бывший Олонецкий Муравьев, находясь здесь зимою, – оба самым неприятным образом отзывались лично мне о службе и действиях Дурново; главнейшим же против него обвинением служит произведенное, по моему поручению, особым чиновником негласное дознание о его правилах, образе жизни и служебных действиях в Саратове. Из дознания оказывается, что он в самом деле нетрезвого поведения, сомнительных правил и корыстолюбивый человек. К этому дознанию приложена даже ныне находящаяся у меня приходорасходная книжка одного торговца, где на имя Дурново выписаны в расход значительные денежные суммы. После столь убедительных фактов против Дурново я счел нужным испросить Высочайшее разрешение на увольнение его от службы»⁶⁶.

Не приходится сомневаться, что у начальства – губернского и министерского – были основания быть недовольным Н. С. Дурново: и элементарная лень, и пристрастия, и беспечность, и пьяные бесчинства, и выход за пределы своих обязанностей, и неправомерное вмешательство в дела судебной комиссии – все это, по-видимому, было. Однако надо согласиться и с Дурново, когда он пишет царю о «сильных врагах», их злобе, мстительности, интригах, ложных обвинениях, клеветнических жалобах и доносах, справедливо при этом замечая: «каким же иным способом эти лица могли бы

---

⁶⁶ Записка о Надворном Советнике Дурново. Л. 68–68 об.

поколебать доверие к человеку, обличавшему их действия? – как не доносами». Не за обвинение же евреев в убийстве саратовских мальчиков его уволили. Охваченный административным восторгом, склонный к горячности, прямолинейный и легкомысленный Дурново разворошил саратовское гнездо, и многие поплатились теплыми местечками.

В самом серьезном обвинении Дурново – лихоимстве – приходится усомниться. И не только потому, что «приходо-расходная книжка» саратовского торговца весьма сомнительна: там много исправлений, разные чернила, и в чьих руках она побывала, пока, оставив своего владельца, дошла до министра? Туда вписать мог кто угодно и что угодно. Главное – в другом, и на это обращал Дурново внимание царя: «Настоящее мое положение еще более опровергает все возводимые на меня клеветы и обвинения: задолжав в Саратове д[енег] 5 т[ысяч] р[ублей] с[еребром], <...> я ныне, прослуживши почти 20 лет и около трех лет Вице-Губернатором, живу в двух комнатах, в подвальном этаже с 7-ю большими детьми, не имея даже средств на медицинское пособие для них (8-й дитя 16 числа сего месяца уже умер от нужды)»⁶⁷.

И. д. статс-секретаря по принятию прошений Решет, сообщая С. С. Ланскому о всеподданнейшем прошении Дурново, писал: «Из собранных сведений оказалось, что проситель действительно претерпевает крайнюю бедность и с се-

---

⁶⁷ Всеподданнейшее прошение Н. С. Дурново. Л. 64 об. Царь приказал оставить прошение без последствий (Л. 69).

мейством помещается в двух небольших комнатах, сам он в недавнем времени пользовался в Максимилиановской лечебнице для проходящих»⁶⁸.

В этом полуподвальном помещении на втором дворе дома Серапина (№ 38) на Царскосельском проспекте Петербурга он продолжал жить с семьей и весной 1858 г., когда обратился со слезной просьбой к министру принять его «снова на службу»: «Резолюция Вашего Высокопревосходительства по сему будет окончательным приговором для огромной семьи, которая буквально умирает с голоду»⁶⁹.

Что случилось с ним и с семьей?

К сожалению, мы располагаем разрозненными сведениями. В мае 1861 г. помещик Холмского уезда Псковской губ. А. И. Болотников запродавал свое имение и выдал жене надворного советника Вере Петровне Дурново запродажную запись; до совершения купчей крепости имение поступало в полное ее распоряжение, и доходы с него она могла употреблять в свою пользу – помещик выдал ей на это доверенность. В июле 1862 г. она выступила доверительницей Болотникова при выкупе крестьянского надела в имении⁷⁰.

Н. С. Дурново остро, по-видимому, нуждался в деньгах и, занимая, не торопился отдавать: в 1865 г. за ним значил-

---

⁶⁸ РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 735. Л. 62–62 об.

⁶⁹ Там же. Л. 73–73 об.

⁷⁰ РГИА. Ф. 577 (Главное выкупное учреждение М-ва финансов). Оп. 6. Псковская губ. Д. 2337 (Ду[р]ново В. П. Селение Большие Жиряны).

ся неплатеж 809 рублей и процентов по дате иска петербургскому 2-й гильдии купцу Амандусу Ф. Меллину по векселю от 28 декабря 1861 г., а в 1874 г. – неплатеж 2475 рублей витебскому купцу Фогельсону по условию, заключенному 3 июня 1868 г.⁷¹.

В 1865 г. князь В. Ф. Одоевский помог Н. С. Дурново вернуться на службу⁷².

---

⁷¹ РГИА. Ф. 577. Оп. 6. Д. 1494. Л. 3–3 об.

⁷² «Милостивый Государь Князь Владимир Федорович, – писал Н. С. Дурново. – По Вашему ходатайству, через посредство Е. П. Эйлер, 21 августа я причислен к М-ству Внутренних Дел и в тот же день командирован Г. Министром в Новгородскую Губернию. С определением на службу мое политическое существование обновилось, т. е. то, чего я так настоятельно добивался в продолжение почти десяти лет через посредство разных сильных и влиятельных лиц, Ваше Сиятельство восстановило единственным вашим словом. Ни уверения, ни излишняя благодарности слишком недостаточны за Ваше доброе дело в отношении к целой семье; неизменное Ваше направление на помощь ближнему известно всем. Мне остается только с огромною семьею молиться за Ваше благодеяние, чтобы Бог сохранил Вас на долгое время для спасения погибающих от злобы и неправды. При этом я осмеливаюсь прибегнуть к Вашему Сиятельству с покорнейшею просьбою, быть может, дерзкою – подарите мне Вашу карточку: я желаю, чтобы портрет благодетеля, Ангела хранителя целой семьи сохранился навсегда в моем потомстве; и если Ваше Сиятельство будете столь милостивы к моей просьбе, соблагovolите выслать карточку на мое имя в Г. Крестцы Новгородской г., где я нахожусь в сию минуту по делам службы. С истинным высокопочитанием и совершенною преданностью имею честь быть Вашего Сиятельства покорнейший слуга Н. Дурново» (Дурново Николай, чиновник МВД – В. Ф. Одоевскому, 30 авг. 1865 г. // РНБ. Ф. 539 (Архив В. Ф. Одоевского). Оп. 2. Д. 493. Л. 1–1 об.). В г. Крестцы Н. С. Дурново был командирован для производства следствия в связи с появлением листовок с угрозой сожжения города. *Одоевский* князь Владимир Федорович (30.06.1804, Москва – 27.02.1869, Москва) – писатель, критик, композитор, философ, журналист. Двоюродный брат декабриста А. И. Одоевского, род-

После сказанного трудно, казалось бы, предположить какую-либо роль его в воспитании детей. Тем не менее отношения его с старшим сыном были, как можно судить по воспо-

---

стенник Е. В. Львовой. Женат на О. С. Ланской (1797–1872), сестре С. С. Ланского (1787–1862), члена Государственного совета (1850), министра внутренних дел (1855–1861), женатого на В. И. Одоевской, тетке В.Ф.Гофмейстер. Сенатор в московских департаментах Сената (1862–1869), с 1864 г. – первоприсутствующий. Известный благотворитель. Учредитель Елисаветинской клинической больницы для малолетних детей (1844). Один из организаторов и председатель «Общества посещения бедных просителей в С.-Петербурге» (1846–1855), целью которого было посещение бедных, «обращающихся с просьбами о пособиях к разным благотворительным лицам, входить в посредничество между этими лицами и нуждающимися и содействовать, чтобы благотворение достигало своей цели». Помощь оказывалась самая разная: пособия бедным семьям, учреждение женских рукоделен, семейных квартир для бедных семей, перемещаемых из сырых подвалов и холодных чердаков, общей квартиры для старых одиноких женщин с последующим их помещением в богадельни и другие общественные заведения, организация двух (для мальчиков и девочек) детских ночлегов. Председатель Комиссии по управлению Максимилиановской больницей (1855), Комитета по управлению Крестовоздвиженской общиной. По словам современников, «благотворительность для князя Одоевского была не долгом, который он на себя налагал, не средством к получению награды в будущем мире; нет! она была для него потребностью – наслаждением жизни»; «каждый шел к нему, как к родственнику, к другу, к наперснику, к покровителю, и каждый находил приветливое слово, добрый совет, а в случае надобности, и горячее заступничество»; «нужно ли было слово замолвить, поправить ошибку, поддержать перед сильными мира сего – Одоевский уже там, забывает, что он слаб и нездоров, хлопочет, объясняет, ездит, просит и добывается своего». В случае с Н. С. Дурново сыграло, возможно, свою роль и то обстоятельство, что родная тетка князя Екатерина Сергеевна была замужем за Г. И. Дурново, четвероюродным братом Н. С. Дурново; был князь родственно связан и с В. П. Дурново через бабушку свою Елизавету Алексеевну, урожденную Львову.

минаниям В. В. Верещагина, близкими и доверительными⁷³.

* * *

Мать Петра – Вера Петровна, урожденная Львова (?..12.1817– не ранее 1886), росла в многодетной семье и была четвертым ребенком. 21-го года вышла замуж, будучи на неполный год моложе мужа. Мы ошиблись, утверждая, что В. П. Дурново унаследовала поместье с 153 крепостными в Вологодской губ.⁷⁴. Оказалось: полная тезка Вера Петровна Дурново, урожденная Чирикова, помещица Кемской волости Никольского уезда Вологодской губернии, вдова поручика⁷⁵; за матерью Петра Дурново никакой недвижимости не значилось.

Бабушка Петра по матери, Вера Петровна Львова, урожденная Лазарева (?–1867), почти свой человек в доме Г. Р. Державина, подолгу там жила; поэт хотел на ней женить своего любимца Александра Николаевича Львова, сына своего друга, мечтая передать ему свою фамилию. Вышла она, однако, за Петра Петровича Львова (1781 – ранее

---

⁷³ См.: Детство и отрочество художника В. В. Верещагина. Т. 1. М., 1895. С. 265, 200, 215.

⁷⁴ *Бородин А. П.* П. Н. Дурново: портрет царского сановника // Отечественная история. 2000. № 3. С. 48.

⁷⁵ Копия с постановления Вологодского губернского по крестьянским делам присутствия. Заседание 16 авг. 1878 г. // РГИА. Ф. 577. Оп. 6. Д. 1494. Л. 2.

1836), статского советника; это был его 2-й брак; от первого, с В. С. Березиной, у него был сын Петр (1804–?). Было у них 9 детей; старшая, Анна, была, по слухам, рождена до брака. Получая помощь от брата Михаила Петровича, помогала содержать большую семью Н. С. Дурново и занималась воспитанием своих внуков.

Некоторые из Львовых достаточно известны. Петр Петрович, прадед нашего героя, был Новоторжским уездным предводителем дворянства и владел родовым имением Арпачево; в его богатом доме в Твери несколько лет жил И. А. Крылов, тогда подросток, и учился «первым началам некоторых наук и языков <...> вместе с его детьми»⁷⁶.

В доме его сына, Федора Петровича (1766/1772?–1836/1835?), директора придворной певческой капеллы, И. А. Крылов «всегда был <...> самый близкий человек; <...> читал свои новые басни и любил часто <...> обедать»⁷⁷.

Николай Александрович Львов (1751/1753?–1803/1804?), троюродный дед Петра Дурново, – один из универсальных талантов русского «века Просвещения»: поэт, свояк и друг Г. Р. Державина, член державинского литературного кружка (В. В. Капнист, И. И. Хемницер, И. И. Дмитриев); художник, друг Д. Г. Левицкого и В. Л. Боровиков-

---

⁷⁶ Лобанов М. Е. Жизнь и сочинения Ивана Андреевича Крылова // И. А. Крылов в воспоминаниях современников. М., 1982. С. 51; Оленина В. А. Иван Андреевич Крылов // Там же. С. 139.

⁷⁷ Львова Е. Н. Иван Андреевич Крылов // Там же. С. 41.

ского; геолог, открыл Валдайский и Боровичский угольные бассейны; переводчик, перевел древнегреческого поэта Анакреонта; архитектор, перевел труд итальянского архитектора Палладио «Четыре книги по архитектуре», построил здание почтамта в Петербурге, соборы в Торжке и Могилеве, ряд усадеб в Новоторжском уезде, изобрел «земляное битое строение» и построил этим способом в Гатчине здание «Приората» Мальтийского ордена, составил проект устройства новых ванн при Горячих Водах в Кисловодске; исследовал летописи и собирал русские народные песни, издал Собрание русских народных песен с их голосами, положенными на музыку Иваном Прачем; музыкант; график; ботаник, инженер, краевед. Член Российской Академии и почетный член Академии художеств. Сторонник развития просвещения и отечественной промышленности. Его осиротевшие дочери воспитывались в доме Державина; старшая Елизавета записала «Объяснения» Державина на его сочинения, а младшая Прасковья ухаживала за больным поэтом до его смерти⁷⁸.

Алексей Федорович Львов (1798–1870), двоюродный дядя Петра Дурново, окончил Институт путей сообщения с отличием, инженер-путеец в военных поселениях А. А. Аракчеева; флигель-адъютант, генерал-майор свиты, обер-гофмейстер. Получил основательное музыкальное образование в доме отца; скрипач-виртуоз; композитор, автор музыки на-

---

⁷⁸ Глумов А. Н. А. Львов. М., 1980.

ционального гимна на слова В. А. Жуковского и более 40 сочинений; дирижер; музыкальный писатель; общественный деятель; директор Придворной певческой капеллы; устраивал симфонические концерты в своем доме; основал Концертное общество в Петербурге. Был близок к семье императора: участвовал в домашних концертах, давал уроки пения, император бывал в доме Львова, был крестным отцом его детей.

Родные братья бабушки Петра по матери – знаменитые моряки. Три сына сенатора Петра Гавриловича Лазарева (1743–1800), помещенные им в Морской кадетский корпус (1800), вписали яркие страницы в историю русского флота.

Старший, Андрей (1787–1849), участвовал в боевых действиях против французов в Средиземном море (1806–1807), в блокаде русско-английской эскадрой берегов Голландии (1812–1814); командуя бригом «Новая Земля», сделал попытку обойти Новую Землю (1819), однако из-за льдов и цинги удалось пройти лишь вдоль западных и южных ее берегов; командуя шлюпом «Ладога», совершил кругосветное плавание, посетив Камчатку и Русскую Америку (1822–1824); командовал на Балтике 12-м флотским экипажем (1825) и отрядом судов, перевозивших раненых из Данцига в Кронштадт (1832), 2-й бригадой 2-й флотской дивизии, 3-й бригадой 1-й флотской дивизии, 1-й флотской дивизией. Вице-адмирал (1842). Автор: «Плавание брига “Новая Земля” под начальством флота лейтенанта А. Лазарева

в 1819 г.» (СПб., 1820), «Плавание вокруг света на шлюпе «Ладога» в 1822, 1823 и 1824 гг.» (СПб., 1832).

Средний, Михаил (1788–1851), в числе лучших выпускников Морского корпуса был отправлен в Англию и служил волонтером на английском флоте. С 1808 г. – на Балтийском. Участник русско-шведской (1808–1809) и Отечественной (1812) войн. Командуя шлюпом «Суворов», совершил кругосветное плавание (1813–1815). Открыл атолл, назвав его именем своего судна. В составе Антарктической экспедиции Ф. Ф. Беллинсгаузена, командуя шлюпом «Мирный», совершил свое 2-е кругосветное плавание (1819–1821). На фрегате «Крейсер», имея под своей командой шлюп «Ладога» брата Андрея, в 3-й раз обогнул землю (1822–1825). Командуя линкором «Азов» (с 1826) и будучи начальником штаба эскадры контр-адмирала Л. П. Гейдена, отличился в Наваринском сражении (1827). Командуя отрядом судов, блокировал Дарданеллы в ходе русско-турецкой войны (1828–1829). Начальник штаба Черноморского флота (с 1832). Экспедицией в Босфор способствовал заключению Ункьяр-Искелесийского мира (1833). Командующий Черноморским флотом и командир Севастополя и Николаева (с 1834). Руководил десантными операциями против горцев на Кавказском побережье (1836–1840). Адмирал (1843). Ввел новую систему подготовки кадров, существенно усилил Черноморский флот новыми парусниками, пароходо-фрегатами и пароходами, построил Дом собраний в Севастополе, адми-

ралтейства в Севастополе, Николаеве, Одессе, Новороссийске, док, ремонтные мастерские, береговые батареи, реорганизовал Морскую библиотеку, открыл школу для детей матросов, воспитал плеяду выдающихся моряков, среди которых Г. И. Бутаков, В. И. Истомина, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов. Кавалер всех российских орденов, в т. ч. и Андрея Первозванного (1850).

Младший, Алексей (1793–1851), начал службу на Балтике (1805). В составе Архипелагской экспедиции вице-адмирала Д. Н. Сенявина участвовал в русско-турецкой войне (1806–1812) и отличился в Дарданелльском и Афонском сражениях. Лейтенантом на шлюпе «Благонамеренный» под командой капитан-лейтенанта Г. С. Шишмарева совершил кругосветное плавание, дважды заходя в Чукотское море через Берингов пролив (1819–1822); оставил «Записки о плавании военного шлюпа “Благонамеренного” в Берингов пролив и вокруг света для открытий в 1819, 1820, 1821 и 1822 годах, веденные гвардейского экипажа лейтенантом А. П. Лазаревым», обнаруженные и опубликованные в 1950 г. Ходил из Кронштадта к Исландии (1823). Капитан-лейтенантом участвовал в блокаде Дарданелл (1828). Адъютант вел. князя Николая Павловича (1824); участвовал в подавлении восстания на Сенатской площади (14.12.1825). Флигель-адъютант Николая I (1825). Отличился при осаде Варны в русско-турецкую войну 1828–1829 гг. С 1833 г. – на Балтийском флоте. Контр-адмирал (1839). Командир Астраханского порта

и Каспийской флотилии (1839–1842). Керчь-Еникальский градоначальник (1850–1851).

* * *

П. Н. Дурново был женат на Екатерине Григорьевне Акимовой (1852–4.04.1927), дочери коллежского ассессора Григория Алексеевича Акимова (1812–9.11.1884) и Надежды Никаноровны Топориной (? – не ранее 1854). Ее старший брат, Михаил (1847–1914) был товарищем прокурора Киевской судебной палаты, министром юстиции (1905–1906) и председателем Государственного Совета (1907–1914). Значительную часть года проводила в своем имении при селе Трескино Сердобского уезда. Часто болела, особенно сильно весной 1891 г. Перед смертью была разбита параличом.

У них было трое детей.

Первенец – дочь Надежда (1881–1882) – умер младенцем⁷⁹.

---

⁷⁹ Только что переехав из Киева в Петербург и заняв место управляющего судебным отделом департамента государственной полиции, П. Н. Дурново 18 декабря 1881 г. обращается к министру с просьбой о двухнедельном отпуске в Москву «по случаю тяжкой болезни дочери». 14 января он просит В. К. Плеве «испросить» у министра месячный отпуск в Москву, Пензу и Саратовскую губернию: «Третьего дня врачи объявили, что 2-недельные страдания моей дочери заканчиваются уже начавшимся туберкулезным воспалением мозга. Болезнь эта признается неизлечимой, или по крайней мере больной не умирает лишь в редких, исключительных случаях. Наиболее возможный результат, т. е. смерть, наступает через 2 недели. Столь чрезвычайные и в высшей степени несчастные

Сын Петр (1.03.1883, СПб. – 13–15.02.1945, Дрезден) окончил Александровский лицей (1903, однокашник поэта С. С. Бехтеева). Службу начал вольноопределяющимся в лейб-гвардии Конном полку (28.08.1903). Выдержал офицерский экзамен при Николаевском кавалерийском училище (1904). Определен корнетом в лейб-гвардии Гродненский конный полк (1904). Поручик (1908). Штабс-ротмистр (1912). Из полка поступил в Николаевскую военную академию и закончил ее в 1914 г. по 1-му разряду. Капитаном (1914) прикомандирован для испытания к штабу Петербургского военного округа. С началом мировой войны перемещен в Генеральный штаб и далее служил старшим адъютантом штаба 2-й кавалерийской дивизии (1915), старшим адъютантом штаба Гвардейского кавалерийского корпуса (1916), начальником контрразведывательного управления Особой армии (1917). Полковник (1917).

Через него командующий Восточным фронтом генерал Гофман вел переговоры с великим князем Павлом Александровичем (1918, до убийства Мирбаха). Организатор анти-советской группы, связанной с германским и австрийским посольствами (Петроград, лето 1918). В войсках фон дер

обстоятельства, постигшие меня и жену мою, вероятно, оправдают в Ваших глазах мое новое ходатайство о разрешении мне отпуска на 1 месяц. Если дочь наша не вынесет болезни, то мы повезем ее в деревню, и нужно полагать, что месяца будет даже много для всего этого, – если же, паче чаяния, она явит собою один из редких примеров излечения, то я очевидно приеду немедленно по миновании опасности» (ГАРФ. Ф 102. Д.-1. Оп. 1. 1881. Д. 274. Л. 16, 22–23).

Гольца в Прибалтике (1919). Перебравшись в Берлин, основал русскую контрразведку, связанную с немецкой политической полицией (1918–1919). Член Военно-политического совета Западной России и начальник его военного отдела, член «Берлинского правительства» и финансовой комиссии для помощи Западной армии (Берлин, 1919). И. д. квартирмейстера Западной армии (1919); организовал набор добровольцев в Западную армию из числа пленных солдат и офицеров. Начальник штаба русских войск в Германии (1919–1920).

В эмиграции (Белград, 1921). Член НТС (1930-е), по заданию последнего нелегально посетил СССР (1939). Устроился представителем германских фирм в Югославии, сотрудничал с германской разведкой. После захвата Югославии немцами в 1941 г. стал руководителем Абвера в Югославии (1941). Командир 1-й восточной группы фронтовой разведки особого назначения Генерального штаба ОКХ.

Погиб с семьей и сотрудниками во время бомбардировки союзной авиацией Дрездена.

Награжден орденами св. Станислава 3-й ст. (1910) и св. Анны 3-й ст. (1914)⁸⁰.

По свидетельству О. Палей, был «так же, как и его отец,

---

⁸⁰ Список Генерального штаба. Испр. по 1 июня 1914 г. Пг., 1914; *Авалов, кн. П.* В борьбе с большевизмом. Гамбург, 1925. С. 240–242; *Волков С. В.* Офицеры Российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 179; Русская военная эмиграция 20-х–40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Кн. 1. М., 1998. С. 94, 96, 98, 99.

большой германофил»⁸¹. Был женат на Марине Эриковне Пистолькорс (1890–1976), дочери княгини О. В. Палей, жены великого князя Павла Александровича. Разведен⁸².

Их сын Кирилл (1908, СПб. – 1975, Нью-Йорк) окончил в Париже Высшую школу электричества и промышленной механики. Инженер-электрик. Уехал в США. Окончил Нью-Йоркский городской университет. После Второй мировой войны вице-консул США в Италии. Вернулся в США, заведовал контрактами телефонной компании. Работал в фирме Интернациональной телеграфной и телефонной компании в ее филиале в Чили, затем главным инженером и директором отделений Генеральной электронной компании в Италии и Швейцарии. Член Объединения воспитанников Высшей технической школы в Париже, член Общества французских инженеров-электриков. Женился на Софье Лисовской (1918, Харьков – ?); у них дочь Марина (р. 1944, Белград).

Младшая дочь П. Н. Дурново, также Надежда (13.07.1886, с. Трескино Саратовской губ. – ?), – фрейлина императрицы Александры Федоровны. Окончила гимна-

---

⁸¹ Источник. 1996. № 4. С. 8.

⁸² «Она вела знакомство с Распутиным. Однажды Дурново, явившись внезапно на небольшое собрание почитателей Старца, застал момент, когда Старец обнимал его жену. Сильным ударом гусар сбил Старца с ног, увел жену, а Распутин, лежа, кричал: “Я тебе припомню”. Скоро затем супруги развелись». Марина Эриковна вышла замуж за штабс-ротмистра Х. И. фон Дерфельдена (*Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. 1914–1917 гг. Кн. 2. Нью-Йорк, 1960. С. 204*)

зию, знала французский, немецкий, английский и итальянский языки; владела пишущей машинкой, русской и иностранной; в 1920 г. «прошла ускоренные курсы для библиотекарей при ГубПолитПросвете». После Октябрьской революции жила с матерью в Петрограде-Ленинграде (Моховая, 27, кв. 27). Не могла найти постоянной работы: ее увольняли как дочь царского министра. Жила частными уроками иностранных языков, техническими переводами. Тем не менее на вопрос – какое отношение имела к царскому министру? – с достоинством отвечала: «Я дочь Петра Николаевича Дурново». 11 месяцев служила в Эрмитаже машинисткой. С сентября 1920 г. по декабрь 1922 г. – помощником библиотекаря в Клиническом военном госпитале. «С 1922 года я безработная и никуда не могу поступить, – писала она С. Ф. Платонову. – Между тем, имея на руках совершенно беспомощную, разбитую параличом мать, я не могу существовать без определенного заработка»⁸³. В 1925 г. работала кухаркой.

С. Ф. Платонов, хорошо знавший ее отца, привлеченный им в свое время к работе над историей министерства внутренних дел, поддерживал, когда мог, временной работой. В апреле 1927 г. была принята в библиотеку АН «в качестве иностранной машинистки» и сдельно выполняла «различные библиографические работы, требующие знания многих иностранных языков». С 1 февраля 1929 г. включена в со-

---

⁸³ Н. П. Дурново – С. Ф. Платонову, 22 марта [1927?] // РО РНБ. Ф. 585 (С. Ф. Платонов). Оп. 1. Д. 2850. Л. 1–2.

став сверхштатных сотрудников библиотеки для работы «по нецифрованному фонду с оплатой всего лишь в 40 р. в месяц». Это было поставлено в вину академику С. Ф. Платонову: «Зачем брать машинисткой дочь самого реакционного министра Дурново?»

В августе 1929 г. решением комиссии по проверке аппарата АН СССР, возглавляемой Я. И. Фигатнером, уволена как «не имеющая библиотечных познаний для занятия должности библиотекаря и чуждая и враждебная советской общественности». Н. П. Дурново просила пересмотреть решение, находя его «с юридической стороны совершенно необоснованным»⁸⁴.

18 февраля 1930 г. была арестована; проходила по делу «Оболенская Кира Ивановна и другие»; постановлением Тройки ОГПУ при Ленинградском военном округе от 10.02.1931 г. осуждена на 5 лет лагерей: «Все эти упоминаемые здесь Эльбен О. Р., Дурново Н. П. потенциально являются идеологической базой для недокорчеванной пока нашей внутренней и внешней контрреволюции, моментами проникающей даже на работу в наши культурные и учеб-

---

⁸⁴ Дурново, машинистка библиотеки АН СССР. Объяснительная записка в Центральную комиссию по руководству чисткой советского аппарата о несогласии с решением комиссии уволить ее со службы из библиотеки АН СССР по первой категории. Машинописный черновик, с карандашными атрибутивными приписками С. Ф. Платонова и неустановленного лица [сент. 1929 г. Ленинград] // Там же. Д. 684. Л. 1–1 об. *Фигатнер* Яков Исаакович (1889–1937) – советский партийный и государственный деятель.

ные заведения, как, например, проходящая по данному делу б[ывшая] княжна Оболенская К. И., и там возвращающей в миропонимании подрастающего поколения вредную идеалистическую философию»⁸⁵. На Соловках работала машинисткой. Освободившись, жила в Новгороде, давая уроки иностранных языков. 17 октября 1937 г. снова арестована и осуждена на 8 лет лагерей⁸⁶.

---

⁸⁵ *Священник Владислав Кумьш*. Оболенская Кира Ивановна и другие // Газета Эском-Вера 4. URL: <http://www.rusvera.mrezha.ru/419/9.htm> (дата обращения: 16.10.2011). *Оболенская* княжна Кира Ивановна (1889–1937) окончила Смольный институт благородных девиц (1904), работала учительницей (1910–1930); арестована (14 сент. 1930 г.) и осуждена на 5 лет исправительно-трудовых лагерей; освобождена досрочно и поселилась на 101 километре от Ленинграда (1934); снова арестована (21 нояб. 1937 г.) по делу «контрреволюционной организации»; виновной себя не признала; приговорена к расстрелу.

⁸⁶ *Память. Исторический сборник. Вып. 4. М., 1979. С. 471, 474, 483; Книга памяти жертв политических репрессий Новгородской области. Т. 1: (1937 г.). Новгород, 1993. С. 14.*

Морской кадетский корпус в 1850–1860 годы

В воспитании прежних дней, в традициях минувшего столетия почерпнул Петр Николаевич свою силу, свой необоримый закал.

Голос Руси. 1915. 14 сентября

Указом Петра Великого от 14 января 1701 г. была основана в Москве Навигацкая школа для подготовки специалистов для флота, армии и гражданской службы. 1 октября 1715 г. Петр учредил в Петербурге Морскую академию на базе старших мореходных классов Навигацкой школы, переведенных с частью учителей в столицу. Академия «была преемницею» Навигацкой школы и «по сравнению с нею должна считаться более высшею школою». 15 декабря 1752 г. по ходатайству Адмиралтейств-коллегии Елизавета Петровна преобразовала Морскую академию в Морской Шляхетный Кадетский корпус, который принято считать преемником и Морской академии и Навигацкой школы⁸⁷.

В связи с преобразованиями структуры и учебного про-

---

⁸⁷ Начало Морского кадетского корпуса. Составил А. С. Кротков. СПб., 1899. С. 5–7. См. также: *Веселаго Ф.* Очерк истории Морского Кадетского Корпуса с приложением списка воспитанников за 100 лет. СПб., 1852. «Кадет» от фр. cadet – младший. Так во Франции назывались зачисленные на военную службу дворянские юноши до первого офицерского чина.

цесса заведение переименовывалось: в 1802 г. – в Морской кадетский корпус (далее – МКК), в 1867 г. – Морское училище, в 1891 г. – Морской кадетский корпус, в 1906 г. – Морской корпус, в 1916 г. – Морское училище.

Любимое детище Великого Петра. Среди его воспитанников весь цвет русского флота: Г. А. Спиридов (1713–1890), Ф. Ф. Ушаков (1744–1817), Д. Н. Сенявин (1763–1831), Ю. Ф. Лисянский (1773–1837), В. М. Головнин (1776–1831), Ф. Ф. Беллинсгаузен (1778–1852), М. П. Лазарев (1788–1851), Ф. П. Врангель (1796–1870), П. С. Нахимов (1802–1855), В. А. Корнилов (1806–1854), В. И. Истомина (1809–1855), Г. И. Невельской (1814–1876), Н. О. Эссен (1860–1915) и многие-многие другие; целые военно-морские династии: Бутаковы, Веселаго, Епанчины, Мещерские, Мордвиновы, Римские-Корсаковы и многие другие. Из его стен вышли: этнограф и языковед В. И. Даль (1801–1872), историк Ф. Ф. Веселаго (1817–1895), авиаконструктор А. Ф. Можайский (1825–1890), физик Б. Б. Голицын (1862–1916), математик и кораблестроитель А. Н. Крылов (1863–1945), художники А. П. Боголюбов (1824–1896) и В. В. Верещагин (1842–1904), композитор Н. А. Римский – Корсаков (1844–1908), писатель К. М. Станюкович (1843–1903), инженер и предприниматель Н. И. Путилов (1820–1880).

Наряду с профессиональной подготовкой и физической закалкой здесь с Петровских времен уделяли большое внимание формированию личности и прежде всего воспитанию

ее стержня – любви к Отечеству и чувства долга.

Пребывание в МКК – особая и во многих отношениях решающая пора в жизни его воспитанников. Кадетские годы Петра Дурново были и началом новой страницы в истории Корпуса. К. М. Станюкович, шедший в Корпусе на год младше Дурново, вспоминал: «Накануне шестидесятых годов, когда начиналась кипучая деятельность обновления, морское ведомство, имея во главе великого князя Константина Николаевича, первое вступило на путь реформ, давая, так сказать, тон другим ведомствам, и “Морской сборник” был в то время едва ли не единственным журналом, в котором допускалась сколько-нибудь свободная критика существующих порядков, поднимались вопросы, касавшиеся не одного только флота, и печатались, между прочим, знаменитые статьи о воспитании Пирогова. Несмотря на это, Морской корпус продолжал еще жить по-старому, сохраняя прежние традиции николаевского времени. Большая часть воспитателей и преподавателей оставалась на своих местах, и патриархальная грубость нравов еще сохранялась. Тем не менее новые веяния уже чувствовались»⁸⁸.

---

⁸⁸ Станюкович К. М. Маленькие моряки // К. М. Станюкович. Собр. соч. в десяти томах. Т. 4. М., 1977. С. 253. Сочинение впервые опубликовано в 1893 г. в ж. «Русская школа» (№ № 1–4) с подзаголовком «Из воспоминаний о Морском корпусе». Станюкович Константин Михайлович (1843, Севастополь – 1903, Неаполь) – писатель-маринист, учился в МКК с 5 нояб. 1857 г. по 12 дек. 1861 г. Обращаясь к воспоминаниям К. М. Станюковича, следует иметь в виду некоторые обстоятельства жизни и черты характера автора. В МКК он был переведен из Пажеского корпуса волею отца-адмирала, потерявшего старшего сына-моряка и

Это подтверждает М. К., поступивший в МКК 20.08.1856

не желавшего, чтобы фамилия исчезла из списков флота: Николай Михайлович Станюкович (1822–1857), участник обороны Севастополя (1854–1855), кавалер ордена св. Георгия IV ст., капитан-лейтенант, командир парового клипера «Плостун», умер в Кронштадте от холеры, собираясь в кругосветное плавание. В семье отца, тогда военного губернатора Севастополя, ему давал уроки петрашевец И. М. Дебу (1819–1890), отбывавший после двух лет военно-арестантских рот наказание в качестве рядового военно-рабочей роты в Севастополе. В Корпусе он испытал сильное влияние преподавателя словесности Ф. И. Дозе (1831–1879), арестованного в 1862 г. и заключенного в Петропавловскую крепость за антиправительственную пропаганду. В Корпусе его привлекали общеобразовательные предметы, он читал «Современник», посещал знакомых студентов, писал стихи (часто обличающего характера), тяготился своим пребыванием в Корпусе, решил перейти в университет, однако отец не разрешил и только в 1864 г. сдался – и К. Станюкович вышел в отставку лейтенантом. В 1884 г. он был арестован, заключен в Петропавловскую крепость и в 1885 г. сослан в Томск. Воспоминания писались в нелюбимое либералами время, и 30 лет спустя – многое забылось (даже инициалы любимых преподавателей перепутаны), и неслучайно, наверное, они беллетризованы. В 1869 г. отец умер, и К. Станюкович огорчен: «Как я и ожидал, отец оставил вздор. Деньгами 1800 рублей и аренду на 9 лет (по полторы тысячи в год); <...> говорят, его обобрали». Характерную деталь отмечает А. К. де Ливрон, мичман на «Калевале» в 1860–1861 гг.: «Во время тропического плавания команде были розданы азбуки и книги для чтения, а офицеры и гардемарины должны были учить людей грамоте и читать им рассказы и повести. Последнее было одним из любимых наших занятий, тем более что мы всегда были окружены очень внимательной аудиторией. <...> Матросы также в свою очередь рассказывали на баке свои сказки. В круг обыкновенно собиралась кучка слушателей, к которым примазывались иногда наши гардемарины и кадеты. К. М. Станюкович, служивший у нас кадетом, всегда держался далеко от команды; он скорее сторонился ее и казался барчонком, и никто в нем в начале 60-х годов не замечал зачатков будущего талантливое морского писателя» (*Де Ливрон А. К. Корвет «Калевала» // Морской сборник. 1909. Т. 353. № 8. С. 23. 5-я пагинация*). Крайне несимпатичен он и по кондуитным спискам МКК: за январь-февраль 1859 г. за поведение – 8 баллов, «порядочен и ведет себя гораздо

года: «Там господствовали еще всю николаевский режим

лучше прежнего», по фронту – 7, опрятность – 5; за март-апрель 1859 г. за поведение – 7, «требуется надзора (-1)», наказан «за удары дневального лакея», по фронту – 7, опрятность – 5 (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 4210. Л. 5, 12). Кондуит – журнал для записи провинившихся. К. М. Станюковичу, как и В. В. Верещагину и в меньшей степени Н. А. Римскому-Корсакову (таким же индивидуалистам, душа которых не лежала ни к морю, ни к военной службе, и к тому же не склонных к точным наукам, а главное, обуреваемых – чем дальше, тем больше – страстью в других направлениях) многое в МКК не нравилось, огорчало и отталкивало. В. В. Верещагин, например, страдал от качки, ему долго не давалась выправка, маршировка, ружейные приемы, «в продолжение целого года, если не больше» не мог получить погоны и не зачислялся в батальон. Это, естественно, не могло не окрасить их воспоминания; было, конечно, и стремление, может быть, и не осознанное, объяснить-оправдать свой отказ от военно-морской карьеры. «Морской сборник» (1848–1917) – ежемесячный журнал Морского министерства. 23 окт. 1860 г. его редактором назначен капитан-лейтенант В. П. Мельницкий (1827–1866). «Основанный на развалинах дряхлых и безжизненных записок Ученого комитета, “Морской сборник” вносил уже жизнь и свет в общество моряков, воскресавших духом, в чаянии близких и благотворных реформ. Люди с талантом и познаниями, живо интересовавшиеся развитием научных сведений и богатые опытом, приняли в нем деятельное участие. <...> Их пример заставил многих из нас работать и трудиться для общей пользы» (Горковенко А. С. Взгляд на прошедшее. Воспоминания // Морской сборник. 1876. Т. 154. № 6. С. 75). Константин Николаевич (1827–1891) – великий князь, сын Николая I. Генерал-адмирал русского флота (1831–1891), шеф Гвардейского экипажа (1831), член Государственного совета (1850–1891), его председатель (1865–1881). Адмирал (1855). Фактически управлял флотом (1853–1881), активно участвовал в разработке и проведении реформ своего старшего брата, Александра II. «Мне кажется, – писал он князю А. И. Барятинскому, – что первая наша обязанность должна состоять в том, чтобы отбросить всякое личное славолюбие и сказать, что наша жизнь должна пройти в скромном, неблестящем труде, не в подвигах, которые могли бы в настоящем возвысить наше имя, но в работе для будущего, чтобы дети наши получили плоды с той земли, которую мы при благословении Божьем можем вспахать, удобрить и засеять. Посему не о морских победах сле-

и порядки»: по субботам награждали яблоками прилежных и пороли ленивых, драли «и в будни: кара следовала без промедления, чтобы не забыть и не смягчиться»; существовал «обширный цикл общих и частных наказаний, выработанный многолетней практикой и опытом» (арест «на более или менее продолжительные сроки», «ставили под часы, оставляли без пирожного, второго и даже без обеда»); наказывали «дежурные офицеры, фельдфебель, старшие и младшие унтер-офицеры»; преследовали и истязали «старикашки»; преследовали за курение, проборы, неряшливость, неуспехи на

дует думать, не о создании вдруг большого числа судов при больших жертво­ваниях..., но о том, чтобы непрерывными плаваниями небольшого числа хоро­ших судов приготовить целое поколение будущих опытных и страстных моря­ков» (Цит. по: *Бунин И. Л.* Великий реформатор Российского флота // *Гангут*. Вып. 8. СПб., 1995. С. 124). По свидетельству современника, «вдохнул во флот душу живу и обладал талантом выбирать своих сотрудников» (*М. К.* Морской кадетский корпус в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов прошлого столетия // *Прошлое и пережитое* // *Море*. СПб., 1909. № 4. С. 105). См. также: *Колыбель флота. Навигацкая школа – Морской корпус. К 250-летию со дня ос­нования школы математических и навигацких наук. 1701–1951 гг.* Париж, 1951. Отдел VIII. Царствование императора Александра II (1855–1881). Гвардейский экипаж – военно-морское формирование в составе российской императорской гвардии. *Пирогов* Николай Иванович (1810–1881) – выдающийся хирург и круп­нейший педагог-просветитель. Из семьи чиновника. Окончил Московский уни­верситет (1828). Доктор медицины (1832). Профессор Дерптского университета (с 1834) и Медико-хирургической академии (с 1841). Член-корреспондент АН (1847). Во главе Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных был в осажденном Севастополе. Попечитель Одесского (1856) и Киев­ского (1858–1861) учебных округов. Его статья «Вопросы жизни» опублико­вана в июльской книжке Морского сборника (1856). Четырежды лауреат Демидов­ской премии (1841, 1844, 1851 и 1860).

фронтовом учении; царствовали «фронтовистика, шагистика, выправка»; «педагогических приемов воспитания не существовало; все зиждилось на беспрекословном повиновении»; «личный состав офицеров-воспитателей, за исключением очень небольшого числа, был, попросту говоря, низок и случаен»; «преподавательский персонал, система и методы преподавания были <...> отсюда и досюда; в случае просьбы объяснить – указывалось: в тетради написано»; отношения воспитанников к воспитателям и преподавателям были «враждебные»⁸⁹.

Обстановка в Корпусе традиционно была спартанской: «Изнеженности не было никакой; чаю и даже сбитню и в помине не было; поутру и вечером была только пеклеваная булка с водою, но ропота на это не было. Эти булки, равно как и ржаной хлеб и квас, славились в Петербурге, но обед из трех блюд и ужин из двух, с неизменною в числе их гречневою жидкою кашей <...>; питья вне обеда, кроме воды, не было, не было ничего. Лазарет был однако же в очень хорошем положении. <...> Шинели и фуражки были холодные; калош или теплой обуви, само собою разумеется, не было. На часах в карауле отстаивали по два часа»⁹⁰.

В марте 1855 г. директор Морского корпуса 44-летний

---

⁸⁹ М. К. Указ соч. С. 101–104.

⁹⁰ *Завалишин Дмитрий*. Воспоминания о Морском кадетском корпусе с 1816 по 1822 год // Русский вестник. 1873. Т. 105. № 5–6. С. 649. Сбитень – горячий напиток из меда с пряностями. Пеклеваная булка, пеклеваник – хлеб из ситной (мелко молотой и просеянной) ржаной муки.

Б. А. фон Глазенап был заменен 65-летним А. К. Давыдовым в связи с предстоящими преобразованиями в Корпусе. В рескрипте генерал-адмирала говорилось: «Алексей Кузьмич. В Бозе почивший Государь Император, отдавая справедливость вашим заслугам по управлению 1-м штурманским экипажем, постоянно оставался доволен этим заведением, особенно любил оное и нередко ставил в пример Морскому кадетскому корпусу. Обозревая Штурманский полуэкипаж, рассматривая ваши отчеты и выслушивая отзывы командиров кораблей о воспитанниках оного, бывающих в море, я еще ближе и подробнее видел, что с небольшими средствами вы достигали весьма полезных результатов и снабжали флот офицерами весьма достойными и способными. Желая, чтобы опытность ваша в высоком деле морского воспитания, испытанная благонамеренность и усердие в службе приносили флоту пользу на более обширном поприще, я испросил ныне Высочайшее соизволение назначить вас директором Морского кадетского корпуса. <...> Прошу вас принять в ваше управление Морской кадетский корпус и, как скоро ознакомитесь с этим заведением, изложить мне лично и вполне откровенно все положения ваши к тому, чтоб доставить корпусу всевозможные улучшения. Будьте уверены в полном содействии с моей стороны полезным трудам вашим»⁹¹.

---

⁹¹ Давыдов Алексей Кузьмич (16.05.1790, Москва–19.12.1857, СПб.) – из семьи отставного коллежского регистратора. Вследствие смерти отца до 13-ти лет оставался неграмотным. Определен дядей в МКК (1803), где обнаружил большие способности. Окончил 1-м в выпуске (1809). Участник войн со Швецией (1808),

Началась перестройка учебно-воспитательного процесса,

Отечественной (1812) и Заграничных походов (1813). Переведен в МКК поручиком (1814); преподаватель, затем – ротный командир; плавал с гардемаринами (1815–1819); командир корпусных фрегатов «Ураган» и «Надежда» (1819–1832). Капитан-лейтенант (1824). Капитан 2-го ранга (1829, за отличие). Инспектор классов 1-го штурманского полуэкипажа (1832), его командир (1837). Генерал-майор, инспектор Корпуса штурманов (1839). Генерал-лейтенант (1851). Директор МКК с переименованием в вице-адмирала (27.03.1855) (Общий Морской список. Ч. VII. С. 2–3). Был награжден орденами: св. Анны III ст. (1820), св. Владимира IV ст. (1823), св. Станислава III ст. (1834), св. Георгия IV ст. (1834, за выслугу 25 лет в офицерских чинах), св. Владимира III ст. (1840), св. Станислава I ст. (1844), св. Анны I ст. (1847), св. Анны I ст. с имп. короною (1850), св. Владимира II ст. (1855). Имел знаки беспорочной службы за XV, XX, XXV, XXX, XXXV, XL и XLV лет. Был пожалован бриллиантовым перстнем (1829), табакеркою с портретом императора (1855) и денежными наградами (2 тыс. руб. в 1836 и 14 тыс. в 1856). 20 раз был отмечен высочайшим благоволением и монаршею благодарностью. Женат был на дочери статского советника Елене Михайловне Зряховой и имел трех сыновей: Николая (1832), Владимира (1834) и Василия (1842). Без недвижимого имущества (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 3935 /Формулярные списки личного состава/. Л. 6–18). *Глазенап* Богдан (Готлиб Фридрих) Александрович, фон (1811–1892) – флигель-адъютант (1838). Капитан I ранга (1846). Контр-адмирал (1852). Генерал-адъютант (1858). Вице-адмирал (1861). Адмирал (1869). Окончил МКК 41-м из 72-х (1826). Участник кругосветного плавания на шлюпе «Сенявин» (1826–29), Польской кампании (1830–1831). В Главном морском штабе (1834–1838). На Кавказе (1839–1840, награжден Георгиевским крестом и золотой саблей «За храбрость»). Плавал в Средиземном море (1840–1846). Член Морского ученого комитета (1847). Редактор «Морского сборника» (1848). Член Комитета по пересмотру морских узаконений (1850). Директор МКК (1851–1855). Морской представитель России в скандинавских странах (1855–1857). Военный губернатор в Архангельске, главный командир Архангельского порта (1857–1860). Главный командир Николаевского порта и военный губернатор Николаева (1860–1871). Член Адмиралтейств-Совета (1871) и Александровского комитета о раненых. Автор статей в «Морском сборнике» (1858–1860). Почетный гражданин г. Николаева. Почет-

однако она не могла и, разумеется, не должна была изменить специального характера учебного заведения. Обстановка и атмосфера его по-прежнему оставались суровыми. Далеко не всем это было по плечу. «После наших отличных домашних учителей и воспитателей, – писал впоследствии А. Н. Мосолов, – вся учебно-воспитательная обстановка тогдашнего Морского корпуса (мемуарист поступил в 1855 г. – А. Б.) мне представлялась жалкой, полунищенской и отгаликивающей. Везде было постоянно холодно. Вечный кашель, коклюш, корь – всем переболел я за три зимы моего там пребывания. Кормили плохо, только квас был всегда хорош. По утрам давали еще сбитень, которого я не мог взять в рот». В начале 1855 г., продолжает бывший кадет, «у нас в Корпусе произошла перемена, имевшая влияние на ход всей моей жизни. Вместо Глазенапа назначили вице-адмирала Давыдова, допотопного зверя. Неизвестно почему и для чего явились необычайные порядки. Стали публично сечь даже 20-летних гардемарин. Раз высекли целый класс больших кадет поголовно за какую-то предерзость учителю английского языка. Наконец придумали каждую субботу собирать весь

ный член Николаевской Морской академии (1877). Действительный член РГО. Его именем названа гавань в Беринговом море (Общий Морской список. Ч. VIII. СПб., 1896). «Тонкий и образованный. <...> Это был милейший человек, добрый и, как говорится, бывалый» (Боголюбов А. П. Записки моряка-художника // Волга. 1996. № 2–3. С. 30, 110). «Светский, легковесный человек, далеко не специалист-педагог. Только изредка порхал он по ротам, обыкновенно сопровождая какое-нибудь важное лицо; был всегда приветлив, ласково улыбался – и только» (Детство и отрочество художника В. В. Верещагина. Т. 1. М., 1895. С. 142).

корпус в большом зале и выкликать вперед из всех классов кадет, получивших наибольшее за неделю число высших отметок и нулей и единиц. Первых ставили направо, вторых налево. Одним раздавали из больших корзин яблоки по числу полученных баллов, других тут же, спустивши им штаны, публично драли. Не раз, с яблоками в руках, взирал я на это необычайное для меня зрелище». Физически слабый и изнеженный, он не выдержал, и в апреле 1857 г. отец забрал его из Корпуса⁹².

К. М. Станюкович вспоминает князя N, «бледного, худого, забитого и приниженного четырнадцатилетнего белокурого мальчика с красивым лицом и покорным, почти страдальческим взглядом больших серых глаз». Пытаясь найти защиту у воспитателей, он стал жаловаться на товарищей, стал доносчиком. «С ним никто не разговаривал, никто не обращался иначе, как с грубым словом, безмолвно переносил все эти пинки, удары и ругательства и только как-то беспомощно ежился и умоляющим взором просил о помощи. Но помощи ему не было». Корпус тут был ни при чем: «Изнеженный и избалованный, маленький князь из-под крыла матери и из атмосферы угодливости крепостной челяди богатой помещичьей усадьбы прямо попал в несколько спартанскую обстановку рассадника будущих моряков, по преимуществу детей из бедных, захудалых дворянских семей».

---

⁹² Краткое жизнеописание Александра Николаевича Мосолова. Воспоминания // НИОР РГБ. Ф. 514.1.4. Л. 14–14 об., 19 об.–20.

Мать забрала его из Корпуса⁹³.

Подчеркнем, однако: за исключением таких вот, изувеченных домашним воспитанием, питомцы Морского корпуса выходили в жизнь хорошо подготовленными и профессионально, и физически, и духовно. Даже тем, кто ошибся поступив в Корпус, пребывание в нем не помешало крепко стать на ноги и выбрать дорогу по душе. Так, В. В. Верещагину пребывание в Корпусе с августа 1853 г. по апрель 1860 г. при интенсивных занятиях не только не помешало сформировать интерес к социальным, политическим и нравственным вопросам, но он имел возможность серьезно учиться живописи, посещать оперу, увлечься музыкой. «Во время пребывания в корпусе, – констатирует биограф, – формировались основные черты характера будущего художника – крепи его волевые качества, упорство, развивались прямота, гордость, неподкупная честность»⁹⁴. Примечательно, что главным делом своей жизни он обязан Корпусу: все началось на обычных уроках рисования.

Н. А. Римский-Корсаков, обучавшийся в Морском корпусе с 1856 г. по 1862 г. в возрасте 13–19-ти лет, не оставлял занятий музыкой: брал уроки игры на фортепиано, посещал оперу, сочинял. При этом хорошо усваивал программу: был всегда среди первого десятка и окончил Корпус 6-м из 70-

---

⁹³ Станюкович К. М. Указ. соч. С. 249–250.

⁹⁴ Лебедев А. К. Василий Васильевич Верещагин. Жизнь и творчество. 1842–1904. М., 1972. С. 16–22.

ти в выпуске.

Н. А. Римский-Корсаков подтверждает свидетельство А. Н. Мосолова: «Сечение было в полном ходу: каждую субботу, перед отпусками [к родителям или родственникам] собирали всех воспитанников в огромный столовый зал, где награждали прилежных яблоками, сообразно с числом десятков (баллов), полученных ими из разных научных предметов за неделю, и пороли ленивых, т. е. получивших 1 или 0 из какой-либо науки»⁹⁵.

О яблоках пишет и В. В. Верещагин, также связывая эту практику поощрения ими получивших за неделю 10, 11 или 12 баллов с А. К. Давыдовым: «Надобно думать, что заботливому директору захотелось дать из оставшихся у него экономий какое-нибудь лакомство прилежным кадетам»⁹⁶.

Однако и порка, и яблоки не были новшеством А. К. Давыдова: «Часто наказывали за самую малость. За более крупные провинности, как и во всех учебных заведениях того времени, наказывали розгами и притом во всякое время, в общей дежурной комнате, кроме воскресных дней. Правом этого рода наказания пользовались по положению не только ротные командиры, но и отделенные офицеры, относительно своих подчиненных. Ленивых же, т. е. получивших дурные отметки за учение в классах, наказывали еженедельно

---

⁹⁵ Римский-Корсаков Н. А. Летопись моей музыкальной жизни. М., 1980. С. 17.

⁹⁶ Детство и отрочество художника... С. 205.

по субботам от 11 до 2 часов»⁹⁷.

Старое и еще не изжитое в 50-е годы в Морском корпусе не было однозначно дурным. Симпатичным был состав воспитанников. Традиционно это были дети небогатых дворян, для которых блестящая служба в гвардии была недоступна по ее дороговизне. «По смерти отца, – вспоминал А. П. Боголюбов, – мы остались сиротами заслуженного человека, что дало право поступить в Пажеский корпус, так и было сделано. Брату скоро подошел срок поступления в Александровский Царскосельский малолетний корпус, куда его и отвезла мать, поместив в Морскую четвертую роту. На кроватном билете его значилось “Паж”. Но вскоре судьба наша переменилась и, по совету А. А. Кавелина, бывшего воспитателя Александра II, друга отца, нас перевели в Морской, на том же основании, что без средств в гвардии служить плохо. В Морском же корпусе дают математическое образование, и директор И. Ф. Крузенштерн – человек ученый и умный. Так мне сказывала об этом мать, и тут показавшая, что она была умная женщина, не погнавшаяся для нас за видной карьерой гвардейского офицера без гроша в кармане с аристократическими аппетитами, к удовлетворению которых юно-

---

⁹⁷ *Де-Ливрон К. Ф.* Отрывочные воспоминания старого моряка. Поступление в Морской корпус и выход в офицеры // Морской сборник. 1890. Т. 237. № 5. С. 59. 4-я пагинация. К. Ф. Де-Ливрон учился в МКК в 1803–1815 гг. Это же утверждает и В. К. Пилкин. См.: Морской корпус сто лет тому назад (По рассказам и воспоминаниям отцов и дедов) // Морской журнал. Ежемесячник. Издание Кают-кампании в Праге. 1938. № 130–131 (10–11). С. 13.

шу невольно тянет богатенькое товарищество»⁹⁸.

Не изменилось это и в 50-е годы. Обучавшийся с декабря 1850 г. по август 1853 г. в Александровском малолетнем корпусе В. В. Верещагин пишет: «Нельзя было не заметить, что воспитанники первой роты принадлежали к более зажиточному и более чиновному классу общества. Во второй роте кадеты были тоже еще “белой кости”, но уже в 3-й, подготовительной к Павловскому корпусу, победнее, менее развиты и даже как будто менее красивые. Наша Морская рота [подготовительная к Морскому корпусу] была “середка на половине” – не аристократическая и не плебейская, так как в ней встречались имена и состояния разного класса дворян»⁹⁹.

Мало что изменилось в этом отношении и позже. «По словесному составу большинство моих товарищей принадлежало к детям служилого дворянства, – вспоминал В. А. Бел-

---

⁹⁸ Боголюбов А. П. Указ. соч. С. 8. Боголюбов Алексей Петрович (1824–1896) – художник-маринист, близкий к передвижникам. Действительный член Академии художеств (1893). Внук, по матери, А. Н. Радищева. Учился в МКК в 1835–1841 гг. Мичман (1841). С 1853 г. – в отставке. Художник Главного морского штаба (1854). Профессор Академии художеств (1861). Создатель «уникальной по художественной значимости и историческому значению серии картин, воспевающих историю отечественного флота за два века его существования». *Круженштерн* Иван Федорович (1770–1846) – из дворян. Окончил Морской шляхетный кадетский корпус (1788). Помощник директора (1826) и директор (1827–1842) МКК; реформировал его: обновил преподавательский состав; ввел новые учебные дисциплины; основал библиотеку, музей, физический кабинет, астрономическую обсерваторию, офицерские классы; повысил нравственный и общеобразовательный уровень воспитанников. Трижды лауреат Демидовской премии.

⁹⁹ Детство и отрочество художника... С. 76.

ли. – <...> Много было сыновей или внуков морских офицеров. <...> Детей богатых родителей я не припомню. Во всяком случае, имущественное положение родителей никак не подчеркивалось. Аристократические фамилии встречались редко. <...> Среди моих товарищей были и такие, чьи родители испытывали материальные затруднения и отдали своих сыновей в Морской Корпус потому, что там обучение было за казенный счет, солидная программа и диплом высшего специального учебного заведения»¹⁰⁰.

Это обстоятельство предопределило серьезное и настойчивое овладение профессией военного моряка: рассчитывать приходилось только на себя. Крепкие физически, умевшие постоять за себя, устраивавшие воспитателям злые каверзы и награждавшие их меткими кличками, они в большинстве своем учились хорошо. Образ такого смышленного сорванца встает со страниц воспоминаний А. П. Боголюбова. «Мне было тогда четырнадцать с половиной лет, – пишет он. – Ростом я был велик и такой же был отчаянной веселости. Любил кататься по галереям колесом, любил разные ломанья, скачки <...>. Бывало спуститься по водосточной трубе на нижнюю галерею Сахарного двора ничего не значило, отчего постоянно ходил оборванным и часто избитым, ибо и до драк был неглуп. Силы тогда у меня много не было, но бы-

---

¹⁰⁰ Белли В. А. В Российском Императорском флоте: Воспоминания. СПб., 2005. С. 20. В. А. Белли учился в МКК в 1900–1906 гг. С 1867 г. Морской корпус относился к разряду высших учебных заведений.

ла ловкость броситься в ноги сильнейшему, сбить его с ног и живо надавать лежащему оплеух и тумачков было делом пяти секунд. Здесь у меня было много невзгод с начальством, и раза два меня едва не выгнали из Корпуса. <...> Так как я имел при выпуске два нуля с минусом за поведение, что было ниже единицы, это ясно показывало, что моя резвость мне сильно портила в виду начальства. Подлого и безнравственного я никогда ничего не делал, но, так как был на дурном счету, всякая пакость, происшедшая в роте, рушилась на меня, и я становился ответчиком». Тем не менее с учебой все было в порядке. Экзамены выпускные «шли очень хорошо, везде я имел не менее 9 баллов математических. <...> Из главных предметов я получил 11 баллов! Но ноль с минусом за поведение подвели при выпуске порядочно. Я выпущен был из 75 человек – семнадцатым, хотя по науке был третьим».

При всем том он находил время и возможности удовлетворять свою «страсть к рисованию». Правда, эта страсть его «тоже губила»: «Я ударялся в часы досуга в карикатуры. Делал директора, учителей, офицеров мелом на досках, на столах, словом, где ни попало, что тоже умаляло мои баллы. Но зато у учителя Алексея Алексеевича Алексеева был на лучшем счету»¹⁰¹.

Продуктивной учебе воспитанников и, особенно развитию их творческих способностей, во многом способствова-

---

¹⁰¹ Боголюбов А. П. Указ. соч. С. 12, 13.

ла «своеобразная постановка учебного дела и распределение дня:

побудка: 6:30;

утренняя гимнастика: 7:15–7:30;

утренний чай: 7:30–7:45;

первый урок: 8:00–9:25;

второй урок: 9:30–11:00;

завтрак и свободное время: 11:00–11:30;

строевые учения: 11:30–13:00;

третий урок: 13:00–14:30;

свободное время: 14:30–15:30;

обед: 15:30–16:00;

свободное время: 16:00–19:00;

приготовление уроков: 19:00–21:00;

вечерний чай: 21:00–21:15;

желающие ложиться спать: 21:15;

всем ложиться спать: 23:00».

Так было, утверждает А. Н. Крылов, «чуть ли не со времен Крузенштерна <...> и продолжалось при Епанчине». «Время с 7 до 9 ч практически было также свободное, номинально оно предназначалось для “приготовления уроков”, т. е. надо было сидеть у своей конторки и не разговаривать, а заниматься чем угодно, не мешая другим, хотя бы решением шахматной задачи, чтением любой книги или журнала. <...> Это обилие свободного времени, не раздробленного на мелкие промежутки и не занятого чем-нибудь обязатель-

ным, способствовало развитию самостоятельности и самообразования, поэтому *громадное большинство* занималось по своему желанию тем, что каждого в отдельности интересовало: многие изучали историю, особенно – морскую, читали описания плаваний и путешествий, литературные произведения, занимались модельным делом или постройкой шлюпок и т. п. Я лично заинтересовался <...> математикой, изучая большую часть по французским руководствам университетские курсы, далеко выходящие за пределы училищной программы. <...> общее направление преподавания было при Епанчине: “как можно меньшему учить, как можно большему учиться самим”»¹⁰².

Ярким пятном остались эти вечерние занятия и в памяти Д. Ф. Мертваго: «Придя от ужина, воспитанники расселись по своим пюпитрам; приготавливали уроки к следующему дню <...>. Лампы горели ярко, температура чудная и оби-

---

¹⁰² *Крылов А. Н.* Мои воспоминания // Собрание трудов академика А. Н. Крылова. Т. I. Часть первая. М.; Л., 1951. С. 63–55. Подчеркнуто нами. – А. Б. *Крылов* Алексей Николаевич (1863–1945) – кораблестроитель, математик, механик; генерал флота (1916); академик РАН (1916); Герой социалистического труда. Учился в Морском училище в 1878–1884 гг. *Епанчин* Алексей Павлович (1823–1913) – директор Морского училища (1871–1882), одновременно (с 1877) – начальник Морской академии. Адмирал (1909). В. В. Верещагин и К. М. Станюкович приводят несколько иной распорядок дня: 6 – подъем, умывание, фронтом – в зал, молитва; 7 – свежая булка и сбитень, позднее – чай; 8–11 – классы; 11 – пеклеванник (позднее – 2 тонких ломтя черного хлеба); 11³⁰–13 – фронтовые учения (гимнастика или танцы); 13 – обед; до 15 – свободное время; 15–18 – классы; 18–20 – приготовление уроков; 20 – ужин; 22 – отбой.

татели залы, после вкусного и здорового ужина, в отличном настроении духа, – каждый занимался своим собственным делом»¹⁰³.

В. В. Верещагин замечает: «Прилежные сидели за уроками часов до 11, до 12 и далее, да кроме вставали рано, иногда в 4, 3 даже в 2 часа, особенно к экзаменам»¹⁰⁴.

Имея в виду эту «роскошь свободного времени», А. Н. Крылов замечает: для «одаренного, любознательного и способного юноши <...> это был наиболее подходящий тип школы: она не заглушала его способностей, а давала им свободно развиваться и помогала выработке навыка самому искать посильного ответа на вопросы юного и пытливого ума»¹⁰⁵.

Очевидна, таким образом, атмосфера творчества, поиска. В такие часы избравшие военно-морскую стезю закладывали основы будущей блестящей карьеры, А. П. Боголюбов и В. В. Верещагин рисовали, К. М. Станюкович писал стихи (в 1859 г., будучи гардемаринном среднего отделения, стал публиковаться в ж. «Северный цветок»), Н. А. Римский-Корсаков писал Первую симфонию, П. Н. Дурново переводил французских и английских авторов по заказу издательства.

---

¹⁰³ Из записок Д. Ф. Мертваго. Морской кадетский корпус. 1856–1858 гг. // Морской сборник. Пг., 1918. Т. CDVI. № 12. Декабрь. С. 45–61.

¹⁰⁴ Детство и отрочество художника... С. 142–143.

¹⁰⁵ Крылов А. Н. Памяти князя Б. Б. Голицына. Речь на заседании Физического отделения Русского физико-химического общества // Природа. 1918. № 3.

В распоряжении воспитанников была библиотека (к концу первой четверти XIX в. в ней насчитывалось 8519 томов и 287 топографических и морских карт)¹⁰⁶.

Для некоторой части воспитанников, неважно подготовленных для учебы в Корпусе, но чрезмерно самолюбивых и честолюбивых, была характерна зубрежка. «Совершенно был поглощен ежедневными уроками, – писал о себе В. В. Верещагин, – которые приходилось старательно долбить, занимаясь до 12 часов ночи, вставая в 3–4 утра, чтобы не уступить своего места в классе. <...> Осмысливал я преподаваемое плохо, но что непременно нужно было учиться – это знал; знал, что без этого не быть офицером, а не быть офицером – срам!»

Эта борьба за место в классе производит впечатление ненормальности, какой-то болезни: «Здесь, в 1-й роте, поступил к нам сын известного адмирала Завойко, очень тихий, но чрезвычайно самолюбивый мальчик, еще более меня полагавший всю суть учения в выучивании уроков; он пошел сначала четвертым, потом был некоторое время третьим и употреблял невероятные усилия для того, чтобы, сбивши меня, сесть вторым (первым шел Петр Дурново. – А. Б.), хотя безуспешно. Бедный мальчик почти не спал из-за долбления уроков, ложился очень поздно, вставал рано, но я де-

---

¹⁰⁶ Там за Невой моря и океаны. История Высшего военно-морского ордена Ленина, Краснознаменного, ордена Ушакова училища имени М. В. Фрунзе. М., 1976. С. 77.

лал не только то же самое, а еще больше: слышишь, бывало, что Завойко велит будить себя в 4 часа, – велишь растолкать себя в 3 и 2. Встанешь, посмотришь: Завойко еще спит – идешь потихоньку в своему столу, зажигаешь свечу и начинаешь долбить. – А Завойко все спит – отлично – значит я выучу тверже его! <...> Я выдержал эту гонку, а он надломился и умер, как доктора засвидетельствовали, – прямо от истощения сил. <...> Жертвой такого же рвення к учению был еще один воспитанник – Бекман, шедший 6-м по классу. <...> Несмотря на все усилия директорского сынка сбить меня с места и сесть вторым – это ему не удавалось, так как и я не зевал, долбил за двоих». (Странно, что 40 лет спустя В. В. Верещагин писал об этом с нескрываемым удовлетворением.)

Естественно, толку от такого «долбления» было мало, и Верещагин признавался: «Если бы меня спросили то же самое, что я отвечал на экзаменах, неделю спустя – я ничего бы не ответил, до такой степени велико было желание “хорошо ответить” и мало старания усвоить себе суть выученного». Причина была еще и в том, что крен был явно не в сторону морской службы: «нравились из наук история, география», «танцевал с увлечением», «молился старательно», но «не любя была арифметика, алгебра, геометрия – вообще математика», делать вычисления «казалось трудным, скучным, незанимательным»¹⁰⁷.

---

¹⁰⁷ Детство и отрочество художника... С. 143, 178, 197, 215–216. Речь идет

По К. М. Станюковичу, продуктивно использовали свободное время немногие: «Прилежные готовили уроки и делали задачи, немногие читали; большинство бродило по коридорам, по ротной зале и собирались курить в ватерклозете, предварительно поставив часового. Близкие приятели и друзья ходили попарно и “лясничали”». Время для приготовления уроков будто бы даже раздражало кадетов: «Занимайся или нет, но сиди! Это принудительное сидение, разумеется, не по нутру было кадетам, и они то и дело перебежали один к другому или уходили в умывалку поболтать или покурить в своем излюбленном месте». И только время после ужина и до отхода ко сну «было самым любимым временем для разговоров и интимных бесед будущих моряков».

«Развитие кадет того времени было довольно слабое, – утверждает К. М. Станюкович, – чтение было не в особенном фаворе. <...> Очень малочисленный кружок, который читал и интересовался кое-чем, не пользовался никаким авторитетом, а на двух из нас, писавших стихи, смотрели с снисходительным сожалением, как на людей, занимающихся совсем пустым делом. <...> Разговоры и споры, которые велись, имели в большинстве случаев предметом: молодече-

---

о сыне директора МКК Василии Давыдове. Это «долбление» и борьба за место в классе Верещагина отодвигали на второй план даже любимое рисование: «В Морском корпусе я рисовал, но нельзя сказать, чтобы особенно много, так как погоня за баллами и нежелание дать другим обогнать себя по классу брали у меня все время» (В. В. Верещагин – В. В. Стасову, 20 марта/1 апреля/ 1882 г. // Верещагин В. В. Избранные письма. М., 1981. С. 120).

ство, удаль, самоотвержение. Многие закаливали себя: ходили по ночам на Голодай и на Смоленское поле. <...> Спорили и очень часто спорили о том, следует ли повесить двух-трех матросов, если взбунтуется команда, или следует их просто-напросто отодрать как сидоровых коз».

(Прервем Константина Михайловича и заметим: и 30 лет спустя либеральные шоры не дали ему понять, какой серьезный, жизненно важный для военного корабля вопрос обсуждали его юные товарищи. По сути, речь шла о способах обеспечить должную дисциплину. Бунт на военном судне ставил под угрозу его боеспособность, сохранение его как боевой единицы, сохранение его вообще. Разумеется, бунт должен быть подавлен, и речь, действительно, могла идти лишь о степени жесткости этого подавления: вздернуть двух-трех или хватит хорошей порки? Обсуждая способы подавления бунта, кадеты исходили из наличного набора средств, далеко, согласимся, не гуманных.

Позднее власть, поддавшись, к сожалению, либеральным веяниям, сделала именно эту ошибку: упразднила старую систему средств обеспечения должной дисциплины на военном корабле, не предложив ничего взамен. В результате офицер оказался без законных средств заставить себя слушаться и поддерживать свой авторитет. Мудрено ли, что в этих условиях матросы, в большей части непривычные к морю и боящиеся его, ленивые, видящие в корабле тюрьму, а в службе – каторгу, постоянно от нее отлынивающие или выполняющие

ее спустя рукава, при любом удобном и неудобном случае напивающиеся до положения риз, наглые, всегда недовольные и без оснований требовательные, легко доступные разлагающей агитации, скоро превратились в «красу и гордость революции»¹⁰⁸.)

«Спорили, – продолжает К. М. Станюкович, – прилично ли настоящему моряку влюбляться или нет, рассуждали об открытии Северного полюса, но никто не говорил о карьере, о выгодных местах, никто не смотрел на плавание как на возможность получить лишнюю копейку, и никто не смел даже заикнуться о достижении успехов по протекции».

Беседы кадет, замечает К. М. Станюкович, не отличались отвлеченным характером и не имели в виду решение каких-нибудь общих вопросов, волновавших в то время обще-

---

¹⁰⁸ См.: Б. Ш – т [Б. К. Шуберт]. Новое о войне. Воспоминания о морских походах 1904–1905 гг. СПб., 1907. Команды судов у нас комплектовались «жителями центральных губерний, многие из которых видели воду только в колодце», – отмечает А. Н. Крылов, объясняя «Цусиму» (Собрание трудов академика А. Н. Крылова. Т. I. Часть первая. С. 241). «Раз дисциплина признана как единственное средство для поддержания порядка в воинских командах и как залог успешного выполнения их назначения, – справедливо утверждает Б. К. Шуберт, – она должна быть поддерживаема всячески, и начальник не смеет отставиваться ни перед какими мерами, чтобы во всякий момент поддержать во вверенной ему части как дисциплину, так и всю силу своего авторитета. Никакие послабления, чем бы они не были вызваны, здесь недопустимы». А по поводу позорных страниц в истории русского флота (восстания в Кронштадте, на крейсере «Память Азова» и др.) с горечью замечает: «Все это плоды системы мирного успокоения и компромиссов, к которым прибегало начальство в то время, когда движение могло быть еще задушено строгими мерами» (Указ. соч. С. 159–160, 162).

ство. (Трудно разделить этот упрек: кадет Станюкович склонен был к отвлеченным беседам, питал интерес к общим вопросам, так он и сбежал с флота при первой возможности. И что это за «общество», которого не волнует внешняя опасность страны и способность ее обеспечить? Куда тоньше в этом отношении нарисованный им батюшка: «“Не в попы тебе, свет, идти, а в морские офицеры”», – снисходительно говорил он, замечая нетвердость в текстах»¹⁰⁹.)

Почти то же пишет и Н. А. Римский-Корсаков, также не склонный к военно-морской службе и не любивший ее: «Вообще за все время 6-летнего пребывания моего в училище я не могу похвастать интеллигентным направлением духа в воспитанниках Морского училища. Это был вполне кадетский дух, унаследованный от николаевских времен и не успевший обновиться. Не всегда красивые шалости, грубые протесты против начальства, грубые отношения друг с другом, прозаическое сквернословие в беседах, циничное отно-

---

¹⁰⁹ Станюкович К. М. Указ. соч. С. 280–282, 273. Голодай – один из островов в дельте Невы, Смоленское поле – район Петербурга; тогда – пустынные места. Бесребреничество будущих офицеров отмечал и А. С. Зеленой: «Во все продолжительное пребывание мое в Морском корпусе я никогда не слышал, чтобы кто-либо из воспитанников, кадет и гардемарин, когда-либо говорил или рассуждал о размерах ожидаемого его после выпуска в офицеры жалования, хотя оно было действительно весьма ограниченное. Мы в корпусе никогда об этом не говорили и не думали» (Зеленой А. С. Воспоминания о Морском кадетском корпусе // Исторический вестник. 1901. Т. 83. № 2. С. 605. Автор провел в Морском корпусе с января 1836 г. по август 1844 г. и «около двух лет офицером в Офицерских классах»).

шение к женскому полу, отсутствие охоты к чтению, презрение к общеобразовательным научным предметам и иностранным языкам, а летом в практических плаваниях и пьянство – вот характеристика училищного духа того времени. Как мало соответствовала эта среда художественным стремлениям и как чахло произрастали в ней мало-мальски художественные натуры, если таковые изредка и попадались, – произрастали, загрязненные военно-будничной прозой училища. И я произрастал в этой среде чахло и вяло в смысле общего художественно-поэтического и умственного развития. Из художественной литературы я прочитал, будучи в училище, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, но дальше их дело не пошло. Переходя из класса в класс благополучно, я все-таки писал с позорными грамматическими ошибками, из истории ничего не знал, из физики и химии – тоже. Лишь математика и приложение ее к мореплаванию шли сносно». Правда, «относительная грубость и низменность умственной жизни» были характерны для первых лет его пребывания в Корпусе, – замечает Н. А. Римский-Корсаков, – «на двух старших курсах почувствовалось все-таки некоторое повышение в этом отношении»¹¹⁰.

В большинстве своем – и это признает К. М. Станюкович – это была физически и нравственно здоровая среда: в ней ценились доброта, справедливость, компетентность; не уважали несправедливых и взяточников; презирали фискаль-

---

¹¹⁰ *Римский-Корсаков Н. А. Указ. соч. С. 36–37, 39.*

ство и наущничество; «всякая трусость и слабость жестоко карались, и “непротивление злу” приносило плачевные результаты». Это была «чуткая брезгливая молодежь, по преимуществу дети и родственники моряков, которые даже и во времена самого наглого казнокрадства в большинстве своем гнушались такой наживой»¹¹¹.

Даже в обстановке начала XX столетия офицерский корпус флота оставался на высоте. Ф. Ф. Рейнгард, назначенный 30 мая 1917 г. в Постоянную комиссию для испытания вновь строящихся и ремонтирующихся судов военного флота, был удивлен своим большим жалованием – 1080 рублей золотом в месяц. Председатель комиссии на обращенный к нему вопрос ответил: «Чтобы вас никто купить не мог». «Это нас глубоко возмутило, – вспоминал Ф. Ф. Рейнгард. – Мы все происходили из слоев общества, где благородные традиции воспитывались поколениями, и никто нас ничем никогда подкупить не мог бы. Несмотря на наступившую демократизацию и вследствие опошление нравов, нас это не коснулось. Мы остались такими, какими были, ибо с молоком матери и в кадетских корпусах нам было внушено чувство долга и порядочности, поэтому и не надо было обставлять нас так, что мы бывали в затруднении, куда расходовать получаемые средства»¹¹².

В Корпусе строго следили за чистотой и здоровьем: «Бе-

---

¹¹¹ Станюкович К. М. Указ. соч. С. 247, 248.

¹¹² Рейнгард Федор. Из воспоминаний. 1917–1918 // Звезда. 2008. № 7. С. 153.

лье меняли каждую неделю. В баню водили каждую неделю. Существовали постоянные медицинские смотры»¹¹³.

Была отлично поставлена аттестация. «Экзаменовали не преподаватели, а экзаменационная комиссия из офицеров. В комиссии этой полная справедливость. Записки с фамилиями кадет опускались в особые урны и исключительно от воли судеб зависело у кого приходилось экзаменоваться. <...> Вообще положительной чертой Морского корпуса был, как общее правило, царивший в нем дух глубокой справедливости и полного беспристрастия. <...> Как в глазах начальства, так и среди товарищей, удельный вес каждого определялся личными его качествами. Ни знатность, ни связи, ни богатство не давали никаких привилегий. Существовало полное равенство.

<...> Чувство товарищества было очень сильно в Морском корпусе». По кадетским правилам, «с другом обязательно следовало делиться всем поровну»¹¹⁴.

Среди воспитанников презиралось фискальство. «Это нехорошо», считали они. Начальство того времени, преподаватели и воспитатели не поощряли «жалобы кадет друг на друга», на доносы не реагировали, доносчиков прогоняли¹¹⁵.

---

¹¹³ *Пилкин В. К.* Указ. соч. С. 13; *Смирнов Валентин.* Кадеты и... повивальная бабка. Как жил Морской корпус в середине XIX века // Санкт-Петербургские ведомости. 2006. 27 мая (№ 094).

¹¹⁴ *Пилкин В. К.* Указ. соч. С. 14; *Станюкович К. М.* Указ. соч. С. 277.

¹¹⁵ *Станюкович К. М.* Указ. соч. С. 251. Так было раньше: «Никто не смел, не хотел, да и не расчет было хотеть, сделаться “задорным” (т. е. ябедой, фиска-

В. В. Верещагин подтверждает: «Товарищество понималось в этом [Морском корпусе] еще сильнее [чем в малолетнем Александровском], энергичнее: не говорить, кто накаверзил, не выдавать и под розгами, не выносить сор из избы не только офицеру, но и воспитаннику старшего класса – считалось святою, неоспоримую обязанностью, и с нарушителями расправлялись безжалостно; даже перед полной очевидностью надобно было говорить “нет”, когда то требовалось классом».

Ему, индивидуалисту, это не нравилось: «В противоположность многим, вероятно, большинству моих сверстников, я не любил товарищества, его гнета, насилия, каюсь – теперь это можно, – что я только молчал, притворялся, только показывал вид, что доволен им, так как иначе меня защипали бы». И 40 лет спустя не понимал, что культивируемый в Корпусе дух товарищества – одно из условий выживания в боевых условиях, и говорил «обдуманно, что принудительное, казарменное товарищество, действительно закаляя дух в известном направлении, не формирует характеров,

---

лом. – А. Б.). Коренной закон всех воспитанников корпуса был таков: с “задорным” никому не говорить. Как только кадеты узнают, что кто-нибудь “прозадорился”, тотчас же оповещают: “господа, NN – задорный! с ним никто говорить не должен!” и этот закон исполнялся свято. <...> “задорного” могли простить, если он просил прощения – так или предварительно “отдуть»» (Зеленой А. С. Указ. соч. С. 609). Так было и в начале XX столетия: «К чести наших нравов следует отнести полное отсутствие фискальства. <...> со стороны начальников разных категорий никак не поощрялось. Системы информации начальников о деятельности товарищей никогда не было» (Белли В. А. Указ. соч. С. 36).

а скорее сравнивает, нивелирует их, что оно уничтожает такое драгоценное качество, как наивность, самобытность и в значительной мере совестливость, – сколько чудовищно безнравственного по отношению к каждому отдельному лицу, каждой отдельной совести – в товариществе уважалось как высоконравственное, как молодечество, доблесть».

Единственное, что он принимал, находя справедливым, – это строгое преследование ябедничества, фискальства: «Это была, кажется, единственная разумная, симпатичная черта кадетского самоуправления».

«О милое товарищество, – заключает Верещагин, – перед которым многие так преклоняются, – власть нахальства, невежества и заскоружности не умерла в вас; пройдохи и плуты пользуются вами для своих целей в корпусах, в училищах и далее в жизни»¹¹⁶.

Конечно, В. В. Верещагин заблуждался. Куда ближе к истине мнения других воспитанников Корпуса. Между нами, – утверждал М. А. Пещуров, – «существовал тот *esprit de corps*¹¹⁷, который так блистательно проявил себя при обороне Севастополя, где на одном и том же месте безропотно умирало 30 и более офицеров, сменяя друг друга, и все были воспитанниками того же Морского кадетского корпуса»¹¹⁸. Эта сплоченность, этот дух товарищества, по мнению

---

¹¹⁶ Детство и отрочество художника... С. 84–85, 131, 204.

¹¹⁷ *Esprit de corps* – корпоративный дух, спаянность (*фр.*).

¹¹⁸ Пещуров М. Очерк моей жизни. СПб., 1881. С. 15. Пещуров Михаил Алек-

А. С. Горковенко, составляли «моральную силу нашего общества. <...> Мы были в точном смысле однокашниками и остались ими до старости. <...> Сойдясь с остатками товарищей на 35-й годовщине нашей службы, мы обрадовались друг другу, как дети одной разрозненной семьи»¹¹⁹.

Было и негативное. После домашней обстановки и даже Александровского малолетнего корпуса Морской поражал новичков грубостью. «В новом месте, – вспоминал В. В. Верещагин, – все было казарменное и более грубое – обращение, грубый язык и грубые шутки. <...> Обращение офицеров с детьми и самих воспитанников между собою было очень резкое и грубое. С самого начала нашего приезда старые кадеты стали обращаться к нам с речами, расспросами и шутками до того казарменными и циничными, что в нашем прежнем Царскосельском обществе, очевидно, были только слабые отголоски этой загрубелости»¹²⁰.

сеевич (1823–?) окончил МКК мичманом (1841), лейтенант (1847); уволен для определения к статским делам (1850).

¹¹⁹ *Горковенко А. С.* Взгляд на прошедшее. Воспоминания // Морской сборник. 1876. Т. 154. № 6. С. 60, 61. *Горковенко* Алексей Степанович (1821–1875) – воспитанник МКК (1832–1837), мичман (1837), окончил офицерские классы лейтенантом (1841), адъютант начальника 2-й флотской дивизии А. А. Дурасова (1841), офицер на «Камчатке» (1848–1851); упал с мостика и расшиб голову, более месяца в госпитале (1851); капитан-лейтенант, адъютант инспектора морских учебных заведений (1851); капитан 2-го ранга, воспитатель вел. князя Николая Константиновича (1856); капитан 1-го ранга (1858); вице-директор Гидрографического департамента Морского министерства (1860); контр-адмирал (1862); вице-адмирал, член Ученого отделения Морского технического комитета (1874).

¹²⁰ Детство и отрочество художника... С. 128, 130–131. Это подтверждают

По Д. И. Завалишину, «это была тогда общепринятая и даже как бы обязательная система. Убеждение в необходимости ее поддерживалось отчасти грубостью нравов значительной доли воспитанников». Поступали «преимущественно дети дворянства мелкопоместного, где более, нежели у кого-либо, развиты были все привычки и злоупотребления крепостного права»¹²¹.

Естественно, своеобразной была и шкала ценностей: «Вообще солгать, обмануть, даже и своих домашних, не считалось в корпусе грехом – на то мы были “не бабы”. Нежность, вежливость, деликатность подвергались осмеянию, а ухарство и сила, напротив, очень ценились и уважались»¹²².

В. К. Пилкин (Указ. соч. С. 12), А. П. Боголюбов (Указ. соч. С. 12–13).

¹²¹ *Завалишин Дмитрий*. Указ. соч. С. 626, 627. «Нравы самих кадет и их обращение друг с другом и в мое время были по истине варварские. И чем старше рота, тем жестче и грубее нравы и обычаи воспитанников. <...> Мы беспрестанно дрались. Вставали – дрались, за сбитнем – дрались, перед обедом, после обеда, в классном коридоре, вечером ложась спать – дрались; в умывальниках – сильнейшие драки. Мы дрались за все и про все, и просто так, ни за что, и не то, чтобы шутили, а серьезно, до крови и синяков, дрались. В этом отношении мы были воспитанники заведения действительно военно-учебного» (*Зеленой А. С.* Указ. соч. С. 608). Во второй половине 50-х годов, по свидетельству Д. Ф. Мертваго, «нравы воспитанников Морского корпуса несколько смягчились» (Из записок Д. Ф. Мертваго. С. 54).

¹²² Детство и отрочество художника... С. 146. И позднее, в начале XX столетия, в этом отношении ничего не изменилось: «А нравы наших юношей в младшем общем классе не соответствовали, казалось бы, тому привилегированному сословию, к которому эти юноши принадлежали. Сквернословие было в полном ходу. Обман начальства и ложь никак не считались низостью» (*Белли В. А.* Указ. соч. С. 35).

Атмосфера в Корпусе была в известном смысле и нездоровой. «Я должен сознаться, – писал В. В. Верещагин, – что меня, которого мамаша старательно оберегала от всего мало-мальски неприличного, что можно было бы услышать от крестьян или дворовых людей, – долго коробило от грубости кадетских нравов. Кое-что из подробностей ужасных пороков, оскверняющих юное общество таких закрытых военно-учебных заведений, я видел здесь [в Александровском корпусе] впервые мельком и, не понявши хорошо, как-то инстинктивно отшатнулся; только уже в Морском корпусе, где вся молодежь была буквально охвачена тайными пороками, и я от ежедневного примера частью поддавался, частью боролся, снова поддавался, пока, наконец, выход из корпуса не развязал меня с этой ужасной, заразной атмосферой»¹²³.

Руководство Корпуса признавало, что нравственное воспитание «не вполне достигает» желаемых результатов, и ссылалось при этом на нехватку воспитателей («число кадет в каждой роте так значительно и несоразмерно с числом воспитателей»), что последние при всем старании не имеют воз-

---

¹²³ Детство и отрочество художника... С. 83–84. Это было, по-видимому, характерно для дореформенной школы в целом: «Совместное жительство [старших возрастов и младших] влекло за собою немало дурных последствий; <...> мальчики эти начинали слишком рано предаваться всевозможным, преимущественно запрещенным, удовольствиям, в ущерб здоровью и нравственной чистоте» (Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров в воспоминаниях одного из ее воспитанников. 1845–1849 гг. // Русская старина. СПб., 1884. Т. XLI. Январь. С. 214).

возможности «внимательно изучить особенности характера и наклонностей каждого») и просчеты в приеме («в корпус поступают иногда мальчики, нравственное воспитание которых, как оказывается впоследствии, было в детстве ведено весьма небрежно») ¹²⁴.

«По скудости средств Морского корпуса, преподаватели, за исключением преподавателей математических и специальных наук, были, в общем, плохие» ¹²⁵. Другие в своих оценках учителей корпуса ярче и конкретнее. По Верещагину, состав «из пришлых был не очень плохой, как вообще в военно-учебных заведениях того времени». «Симпатична память учителя русского языка [В. И.] Благодарева», однако мотивы этой симпатии к русскому языку и словесности отношения не имели: «он благоволил ко мне, <...> у него прорывались иногда не учительские отношения к нам. Он критиковал довольно прозрачно некоторых лиц и некоторые порядки нашего управления; к литературным знаменитостям он относился сурово: поэта Лермонтова, напр[имер], называл болваном, неизвестно на что обозлившимся, Пушкина ставил ниже Державина». «Добр и терпелив» был учитель географии. Один преподаватель английского языка – «порядочный, милый, вежливый, умевший себя держать» англи-

---

¹²⁴ Отчет по Морскому кадетскому корпусу, присланный и. д. директора контр-адмиралом Нахимовым за 1860 г. // Морской сборник. СПб., 1861. Т. LII. № 3. С. 2. 2-я пагинация.

¹²⁵ Пилкин В. К. Указ. соч. С. 13.

чанин; другой – также англичанин – дрался с кадетами. Худо было с французами: один, по ходившим по Корпусу слухам, был «на родине кучером», другой – «из мальчиков-барабанщиков», попавший в Россию с армией Наполеона, – «не учил кадет, а воевал с ними». Учителя из офицеров – ниже всякой критики: «Н. преподавал арифметику и в высших классах аналитическую геометрию, преподавал непонятно: как все дурные учителя, он заботился не о развитии учеников своим предметом, а о поимке не знавших заданного и вклеивании им единиц и нулей». «О. <...>, малограмотный офицер <...> тоже начал “читать лекции” несчастной арифметики, тоже без смысла и разума»¹²⁶.

По Станюковичу, в значительной части они были неудовлетворительны: пьяницы, ремесленники, рутинеры и даже развращенный циник, «ставивший хорошие баллы кадетам не столько по степени их знания, сколько за смазливость их физиономий». Отсюда – низкий уровень преподавания общеобразовательных дисциплин. «По совести – замечает К. М. Станюкович, – нельзя сказать, чтобы и преподавание специальных предметов стояло на надлежащей высоте и чтобы большинство господ наставников отличалось большим педагогическим умением и любовью к своему делу. Они были почти “несменяемы” и все почти из одной и той же маленькой “привилегированной” среды корпусных офицеров. Занятые и воспитанием, и образованием в одно и то же вре-

---

¹²⁶ Детство и отрочество художника... С. 134, 135–136, 137, 138, 228.

мя, они обыкновенно дальше книжек, заученных в молодых годах, не шли и преподавали до старости с ремесленной аккуратностью и рутинной, без всякого “духа живого”»¹²⁷.

Вместе с тем в Корпусе немало было и таких, кого вспоминали с уважением и благодарностью. У А. П. Боголюбова – А. А. Алексеев и А. И. Зеленой, у К. М. Станюковича – М. Н. Сухомлинов, И. П. Алымов, Ф. И. Дозе, корпусной батюшка В. Д. Березин – «заступник и предстатель обиженных кадет», у Д. Ф. Мертваго – географ и статистик Христофоров и другие.

Далеко не все офицеры-воспитатели были на должной высоте. Правда, В. К. Пилкин выделяет офицеров Корпуса: среди них «было, вообще, много весьма замечательных лиц. <...> В тогдашние времена нигде состав офицеров не был так хорош, единодушен и соединен, как в Морском корпусе»¹²⁸.

Однако в памяти В. В. Верещагина остались другие. Лучшая характеристика у лейтенанта барона де Риделя: «Полунемец родом, но россиянин в душе, красный от постоянно возобновляющихся возлияний, вспыльчивый, крикливый, но добрый; близорукий, подслеповатый». Любопытно сравнить эту аттестацию с официальной: «Был одним из любимых воспитателей юношества, готовившегося во флот. <...> Ридель умел внушить молодежи такое уважение к себе и такую любовь, что легко поддерживал строгую военную

---

¹²⁷ Станюкович К. М. Указ. соч. С. 265–266.

¹²⁸ Пилкин В. К. Указ. соч. С. 15.

дисциплину и тот благородный дух сознания долга, который составлял лучшую черту тогдашних гардемарин»¹²⁹.

«Н., – продолжает В. В. Верещагин, – маленький, писклявый, постоянно удивший своим мизинцем в носу, положительно неистощимом, и прозывавшийся “Мазепой”, <...> не брезговал и подарками, принимал приношения». «О. <...> Этот офицер ходил окруженный толпой подслуживающихся кадет, наушников и был прозван атаманом. Он завел целую систему шпионства из плохо учившихся старых кадет, знавших все и продававших товарищей за помощь при переходе из класса в класс»¹³⁰.

Воспитатели-взяточники особенно возмущали. Вот и у К. М. Станюковича один из ротных командиров «не гнушался ничем: брал деньгами, вещами и съестными припасами. <...> Многие родители высылали ему из деревень вся-

---

¹²⁹ Кронштадтский вестник. 1875. № 56. С. 224–225. *Де Ридель* барон Александр Александрович (?–1875) – из дворян Смоленской губ. Православный. Окончил МКК мичманом (1831), плавал в Балтийском море. Лейтенантом поступил в МКК отделенным офицером гардемаринской роты, затем в чине капитан-лейтенанта командовал гардемаринской ротой, назначен батальонным командиром (1860), а в 1863 г. – помощником директора. Контр-адмирал (1867). Начальник Инженерного артиллерийского училища (1868). Член Комитета морских учебных заведений (1869). Вице-адмирал (1874). Женат на дочери умершего генерал-майора Надежде Павловне Левицкой и имел сына Николая (1850) и дочь Марию (1857). В 1856 г., будучи капитаном II ранга и командуя 2-й кадетской ротой, он получал 430 руб. штатного жалования, 142 руб. 86 коп. столовых, 430 руб. за 10-летнюю выслугу при Корпусе и 200 руб. на воспитание сына (РГАВМФ. Ф. 432. Оп. 1. Д. 3935. Л. 88–97).

¹³⁰ Детство и отрочество художника... С. 132, 134–135.

кую провизию. За взятки он ставил хорошие баллы, смотрел сквозь пальцы на дурное поведение»¹³¹.

Это было новым. «Мы не знали примера, – писал Д. И. Завалишин, – чтобы кадеты делали подарки кому-нибудь из корпусных офицеров, да это при общей справедливости и честности ни к чему бы и не повело»¹³².

«Нещадная порка, служившая едва ли не главным элементом воспитания будущих моряков», по Станюковичу, процветала. Ротный Z, «сам до мозга костей “старый кадет”, рыцарь чести и справедливости, он нещадно порол своих питомцев, глубоко убежденный, что порка – отличное и единственное педагогическое средство»¹³³. Здесь К. М. Станюкович, кажется, переборщил. Сорванец Боголюбов был «за кадетство выпорот только два раза», а в гардемаринской роте, куда он перешел в 1839 г., «уже не пороли розгами»¹³⁴

---

¹³¹ Станюкович К. М. Указ. соч. С. 248.

¹³² Завалишин Дмитрий. Указ. соч. С. 648.

¹³³ Станюкович К. М. Указ. соч. С. 251.

¹³⁴ Боголюбов А. П. Указ. соч. С. 12.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.